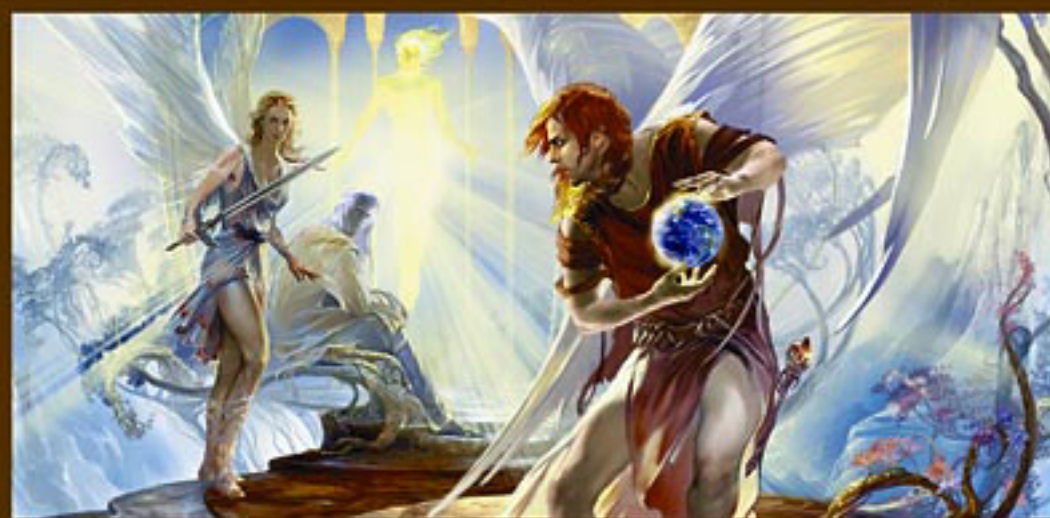

ЕЛЕНА БЫЧКОВА, НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

• Заложники света •

Рубин Карашэхра

Наталья Турчанинова

Заложники Света

«Автор»

«Автор»

2004

Турчанинова Н. В.

Заложники Света / Н. В. Турчанинова — «Автор», «Автор»,
2004 — (Рубин Карашэхра)

ISBN 5-93556-437-8

Убивать порождения Мрака – непростая работа. Даже если тебя обучают этому сверхъестественные существа. Ритуал Миркара возвращает потерянную память о прошлых жизнях и капельку бывшего могущества. Но один ты все равно слаб и беспомощен. Поэтому, чтобы обрести всю полноту силы, следует очень быстро и правильно выбрать союзников. На чью сторону встать, каждый решает для себя сам. Но, выбирая, не следует забывать святую истину – быть заложником Света иногда страшнее, чем идти по дороге, ведущей во Тьму.

ISBN 5-93556-437-8

© Турчанинова Н. В., 2004

© Автор, 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть I	5
Глава 1,	5
Глава 2,	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5,	31
Глава 6,	40
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

ЗАЛОЖНИКИ СВЕТА

Часть I

УЧЕНИК ОБОРОТНЯ

Глава 1,

*в которой Валерий Октавиан оказывается жутким
пройдохой, но меня это пока только радует*

«...Двадцать пятое число. Шестой месяц. Полдень. Атэр родился в очередной раз...» Я заткнул карандаш за ухо и тоскливо уставился в блокнот. Надо бы подробнее описать это радостное событие, но лень. Как-то я обленился за последние две тысячи лет. Хорошее питание, сидячий, а часто и лежачий, образ жизни. Вот и сейчас никак не сосредоточиться. Я вздохнул, вспоминая, что мой «конкурент» завел такой же блокнот и, в отличие от меня, подробно записывает туда все достижения нашего подопечного – так что надо поднапрячься и тоже выдать какое-нибудь ценное педагогическое замечание. Вот, например:

«Вся „прелесть“ общения со смертным состоит в том, что он постоянно умирает. Едва научишь чему-нибудь полезному, влюбишься в глупую голову самые элементарные знания, только-только расслабишься и начнешь получать удовольствие от воспитательного процесса, как вдруг – хлоп, и готово. Умер! То его в драке прирежут, то в реке утонет, то на дуэли проиграет, а если и не это все, то от старости помрет. В прошлый раз Атэр, к слову сказать, бросился спасать одного остолопа, ну и, понятное дело, dospасался. Впрочем, я лично особо не расстроился. Хотя кое-кто горевал: „Ах, какой он был благородный и добрый, какой самоотверженный! Такой достойный человек!“ Как же, достойный! Зануда! Ни на какую пакость его подбить было нельзя, даже развлекаться по-настоящему считал неприличным, все о высоком мечтал. Вот и домечтался.

Ждали потом три века, когда он родится в следующий раз, и – начинай все сначала. «Привет, меня зовут Гэл. Помнишь, мы были знакомы в твоих прошлых жизнях? Нет желания позаниматься магией, или в картишки перекинемся?» А он будет смотреть на тебя и хлопать глазами от удивления. И еще хорошо если «он». Один раз Атэра угораздило родиться в женском теле. Вот была потеха! Кстати, дамочка получилась очень даже способная к магии, амбициозная, решительная и к тому же недурна собой. Но малышку угораздило влюбиться в какого-то идиота, и обучение пришлось прекратить. Она заявила, что не желает больше ничего слышать ни о каком колдовстве, а мечтает о спокойной домашней жизни. Были вынуждены оставить ее в покое и затаиться еще на несколько десятков лет, пока она не померла благополучно, окруженная внуками и правнуками.

Рождался еще один славный парнишка. Сразу мне поверил и зауважал. Из него мог бы получиться толк, но я поторопился с посвящением в высшую магию и... в общем, парню не повезло. Погиб в расцвете лет... Энджи сокрушался по поводу его гибели не меньше, чем о других, хотя и вздохнул украдкой облегченно – слишком хорошо понял, что тот мог бы натворить.

И вечно его светлость недоволен, все мечтает переделать окружающую действительность. Кстати, вот и он, легок на помине. Мой партнер, друг и соперник. Летит...

– Доброе утро, Гэл. – Энджи опустился на камень рядом со мной и сложил за спиной свои белые крылья.

– Ну, что? – спросил я неопределенно, но он понял и пожал плечами.

– Обычный ребенок. Такой же, как все.

– Да... – я задумчиво почесал спину. – Значит, опять все сначала... Ты не забыл, теперь моя очередь знакомиться с ним первым и рассказывать обо всем, что произошло?!

Энджи грустно посмотрел на меня.

– Я помню, но Гэл... ты относишься к этому словно к игре. Кто наберет больше очков, ты или я, кому достанется приз. Так нельзя. Ты играешь со мной на него, на его жизнь, на его будущее.

– Да ладно тебе. Я просто даю парню шанс выбиться в люди.

– В демоны, ты хочешь сказать?!

Кажется, во время наших странствий Энджи научился ехидничать.

– А почему бы и нет. Ты же сам говорил – свобода выбора. Вот пусть он и выбирает!

– Ты рассуждаешь, как демон!

Энджи тряхнул золотыми кудрями и отвернулся.

Кстати, он прав. Я демон. Демон-оборотень. Энджи, соответственно, ангел. Не боевой. *Просто ангел.*

Познакомились мы с ним давным-давно, в те времена, когда я работал секретарем у Хозяина Западных Земель Срединного мира – Буллфера. Того самого Буллфера, который захотел стать всемогущим, самым великим демоническим Правителем на земле. В старинных книгах он прочитал о какой-то Бесценной Награде, которую получит демон, если проведет над собой особый ритуал, призвав на помощь высшее светлое существо. Этим существом и стал Энджи. Ритуал они провели, но никакого могущества Буллфер не приобрел. Наоборот, стал терять силы и вместо «награды» принял гибель в заточении.

Видимо, после смерти и произошло окончание знаменательного перевоплощения, и мой прекрасный, достойный и могущественный Хозяин превратился в обычного человека, сомнительной, кстати, ценности.

И теперь Энджи считает, что у Буллфера, то есть Атэра, есть шанс стать ангелом, я же надеюсь на его превращение обратно в демона.

Люди очень доверчивы, наивны до глупости, и никогда не знают, что им нужно на самом деле, теперь-то я хорошо их изучил. Стоит появиться Энджи во всем великолепии сияющих крыльев, с мягким певучим голосом и ласковой улыбкой, как они тут же готовы идти за ним на край света ради сомнительной перспективы когда-нибудь потом получить такие же крылья и ангельскую благодать в придачу. Как тяжело выбивать все эти глупости из восторженной человеческой головы и соблазнять более реальными обещаниями власти, богатства и полной безнаказанности. Энджи, конечно, не нравятся мои методы воспитания, но открыто возмущаться он не может, потому что право выбора, согласно ангельской теории нравственности, всегда остается за Атэром. *Ему* решать, что приятнее – скучные наставления святоши или веселое времяпрепровождение под моим руководством. И довольно часто наш подопечный с бо льшим интересом прислушивался к моим советам, хотя, признаюсь честно, Энджи тоже удавалось крепко заморочить ему голову.

И сколько раз я объяснял упрямому ангелочку, что Атэру лучше всего превратиться обратно в демона, стать прежним Буллфером, могучим, бесстрашным, грозным Хозяином, по которому я так часто скучал, вспоминая прежние времена нашего с ним славного правления. Но Энджи не желает меня слушать, уверенный в том, что путь назад нашему другу закрыт – дескать, проведя над собой ритуал, он выбрал дорогу к самосовершенствованию и свету. В общем, в таких дурацких спорах мы провели последние семнадцать лет, ожидая, пока Атэр подрастет и будет готов к очередной встрече с нами.

И вот однажды, рано утром, я услышал над собой звонкий голос Энджи.

– Гэл, просыпайся! Ты слышишь?! Пора вставать! – Я попытался отвернуться от назойливого ангела, но тот крепко вцепился в мою куртку, продолжая настойчиво трясти. – Просыпайся!

– Отстань. Еще рано.

– Но, Гэл, ты забыл, какой сегодня день!

– Да помню, помню я...

– Тогда вставай!

– Угу...

– Гэл!

– Ну, сейчас... еще полчасика посплю, а потом...

Рукав моей куртки неожиданно отпустили, и раздался подозрительно ласковый голос.

– Ладно, как хочешь. Придется мне лететь одному, а ты потом как-нибудь к нам присоединишься... Когда выспишься.

– Стой! – я резко сел, сдерживая с себя куртку, которой укрывался вместо одеяла. – Только попробуй отправиться к нему без меня!

Энджи рассмеялся, рассматривая мою недовольную заспанную физиономию.

– Я пошутил, не сердись.

Тоже мне шуточки. Отпусти его одного, за один день сделает из парня святошу, а мне потом перевоспитывай!

– Ладно, все, проснулся... Только без завтрака я никуда не пойду!

Ангел вздохнул, но спорить не стал, помня, что у голодного, невыспавшегося демона характер в два раза хуже, чем у невыспавшегося, но сытого. Он деликатно отвернулся, достал маленькую книжечку в белом переплете и открыл ее, дожидаясь, пока я догрызу баранью ногу.

Заглядывал я как-то в этот его блокнотик. Кроме записей о добродетельных поступках и ошибках всех прошлых жизней Атэра, у него там стихи. То ли сам сочиняет, то ли у других переписывает. Как будто больше заняться нечем, только бумагу зря переводит... Ну, вот, кажется наелся. Я спрятал остатки завтрака в самый дальний угол пещеры, вытер руки о штаны, пригладил волосы и заявил.

– Я готов, пошли.

Энджи взглянул на меня, с видимым трудом сдержал улыбку, и тоже поднялся. Вместе мы подошли к выходу из пещеры, в которой я жил последнее время, и одновременно открыли два телепорта – каждый свой. Я лично ангельским пользоваться не могу, у меня от него изжога и головокружение. Слыханное ли это дело, чтобы тебя с огромной скоростью вверх тормашками перебрасывало из одной точки пространства в другую?! Вот наша демоническая телепортация – никаких прыжков и полетов – безболезненно растаял и также аккуратно собрался. Конечно же, Энджи говорит, что наш способ перемещения менее совершенный, чем их. Но если ангелам удобнее стрелять собой из телепорта, как из пушки, это их дело.

Короче, переместились мы куда нужно, и очутились в парке, прямо в центре небольшого городка. Энджи тут же накинул на себя легкое заклинание невидимости, я машинально сделал то же самое, хотя особой причины прятаться не было. Никого рядом не было.

– Ну, и куда нам теперь? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

– Туда, – Энджи уверенно показал в сторону улицы, выходящей на маленькую пыльную площадь. – Он где-то там.

– Ладно, пойдем, посмотрим. Только, думаю, он еще спит. В такую рань.

Спешить было некуда, и мы потихоньку направились вниз по улице, периодически спотыкаясь на неровностях дороги. В отличие от Энджи, я не чувствовал присутствия нашего приятеля. Впрочем, можно быть уверенным – он точно знает, где искать Атэра. Ангелы, по-

моему, вообще отличаются особым чутьем на людей, это мы начинаем понимать, что человек где-то близко, только когда проголодаемся хорошенько...

Мы вышли на площадь, остановились, пытаюсь сообразить, в какую сторону двигаться дальше, как вдруг дверь одного из домов распахнулась, и на улицу выбежал растрепанный парнишка лет шестнадцати. Он быстро прошел мимо, не увидев нас, потом воровато оглянулся назад, сунул руку в карман и швырнул что-то на землю. Вещица, от которой парень хотел избавиться, отлетела мне под ноги, я наклонился, чтобы поднять ее, но тут дверь распахнулась еще раз, и на крыльцо выскочил здоровенный детина с красным, перекошенным от ярости лицом.

– Ну-ка, стой! – заорал он. – Стой, паршивец!

Парнишка бросился удирать, но далеко убежать ему не удалось. Взбешенный детинище догнал его в несколько прыжков, схватил за шиворот, швырнул на землю и принялся обыскивать карманы.

– А ну, давай сюда! Где они у тебя!? Давай сюда, говорю!

– Пусти! – отбивался мальчишка. – Отпусти меня, недоумок!

За «недоумка» он получил несколько крепких затрепчин, и еще трое человек, появившиеся на крыльце во время короткой погони, довольно загомонили.

– Правильно, Ромул, вмажь ему еще.

– Этот мерзавец нагрел меня на две сотни.

– Тащи его сюда, Ромул. Я ему от себя добавлю.

– Гэл! – Энджи схватил меня за руку. – Это нужно прекратить!

Я усмехнулся и покрутил в руках футлярчик, выброшенный мальчишкой.

– Ты меня, конечно, извини, Энджи, я бы рад вмешаться, но не могу.

Ангел взглянул на меня строго и недоверчиво. Я показал ему находку.

– Знаешь, что это такое? Опытные игроки хранят в таких коробочках игральные кости. «Меченые» кости. Этот милый мальчик – шулер. Видимо, он обул сих господ по полной программе, и они решили немного проучить его. Я не возражаю. В следующий раз будет умнее.

– Гэл! – отчаянно воскликнул Энджи. – Я не верю тебе. Это же Атэр!

– Вот этот мелкий пройдоха!?

– Да! ...Они его покалечат! Надо сделать что-нибудь!

Он махнул рукой, сбрасывая с себя заклинание невидимости, хорошо хоть образ сменить не забыл, и предстал перед Ромулом, с основательно перепачканным Атэром в мощных руках, человеком.

– Отпустите мальчика!

Конечно! Драка и ангел несовместимы. Придется вмешаться.

– Могу я вам чем-то помочь? – очень вежливо поинтересовался я, тоже появляясь в поле зрения красномордого верзилы, с садистическим удовольствием выкручивающего руку орущему от боли мальчишки. – Кажется, вы что-то искали?

Жертва малолетнего шулера поднял голову и пояснил с добродушной ухмылкой.

– Да вот, этот щенок обыграл нас с приятелями на несколько сотен. А кости у него оказались магические, заговоренные.

– Неправда. Он все врет! Не верьте ему! – завопил подросток, но тут же получил еще один подзатыльник и опять ткнулся носом в пыль.

– И что вы собираетесь с ним сделать? – снова любопытствовал я.

– Надаем по шее, вернем свои деньги и отберем у него... – верзила хмыкнул, – «орудие преступления». Только он их куда-то спрятал, не отдает.

– Очень вас понимаю, – сказал я задумчиво. – Я тоже терпеть не могу шулеров, и в другой раз с удовольствием помог бы разобраться с ним. Но у вас самого какая-то подозрительная

рожа. И, наверняка, вы над мальчиком просто так издеваетесь. А мой друг не выносит насилия, в любых его проявлениях... Поэтому отпусти-ка ребенка.

Названный Ромулом разинул рот и удивленно уставился на меня.

– Чего?!

– Отпусти мальчика, я сказал!

Человек бросил Атэра и стал приближаться ко мне, но оказался лежащим навзничь, потому что наткнулся на мой кулак. Его челюсть была на удивление крепкой, и все же несколько секунд он мог только мычать и трясти головой. Приятели с крыльца, притихшие на время нашего разговора, ожили и быстро спустились вниз, чтобы разобраться с неожиданным защитником юнца.

– Мне очень жаль, – почти искренне сказал я Ромулу, неуклюже ворочающемуся в пыли. – Считай, что сегодня тебе просто не повезло... Стоять!!

Остановленные моим грозным демоническим рыком, дружки обманутого игрока замерли в нескольких шагах от нас. Еще бы – трудно послушаться приказа разъяренного оборотня, служившего секретарем у самого Хозяина.

Я наклонился, взял мальчишку за шкурку, поставил на ноги и сказал сурово:

– Пошли.

Ослушаться он не посмел и поплелся следом за мной, шмыгая разбитым носом. А Энджи поднял руку, от его пальцев отделилось золотистое облачко и коснулось поверженного Ромула. Тот сейчас же вскочил, удивленно потирая челюсть, которая мгновенно перестала болеть. Ну, конечно, ангел не может без благотворительности.

– Держите их! – завопил исцеленный, увидев, что его обидчики сворачивают за угол. Компания бросилась следом за нами, но догонять было уже некого. Улица оказалась пуста.

Лучшим местом для разговора Энджи посчитал заросший парк, в котором мы появились полчаса назад. Я не стал возражать и с удовольствием опустился на мягкую траву. Ангел устроился рядом, и мы оба выразительно посмотрели на Атэра.

– Не знаю, ребята, кто вы такие и откуда взялись, – сказал он. – Но вы мне здорово помогли. Спасибо.

– Не за что, – ответил я великодушно.

– За что они тебя так? – спросил Энджи.

– Да тут такая история... – Атэр замялся, еще раз шмыгнув носом и принялся вдохновенно врать. – Эти парни пригласили меня сыграть с ними в «очко» в кости. Ну, я согласился и выиграл у них... немного, а они взбесились и стали обвинять меня в шулерстве. Но это не правда. Мне просто повезло.

– Повезло, значит... – я задумчиво посмотрел на Атэра и мальчишка слегка покраснел.

– Вы мне не верите?!

– Конечно, верим, – поспешил успокоить его Энджи и требовательно посмотрел на меня, ожидая подтверждения своих слов. Я промолчал, вытащил из кармана коробочку и вытряхнул «крапленые» магические кости на колени ангелу.

– Что это?! – Энджи взял одну из них и удивленно рассмотрел со всех сторон.

– Кости, – ответил я вместо Атэра. – Ты что, никогда не видел таких?

– Видел. Но я не понимаю...

– Он бросил их, когда убегал. А теперь смотри сюда, – я взял кубик и слегка потер его. В ответ на мое прикосновение уголок одной из граней засветился голубоватым светом. – Магическая метка. Слабенькая, но сработана весьма умело. Поверь мне, Энджи, я отлично разбираюсь в таких штуках.

– Сам сделал? – спросил я у немного смущенного Атэра.

Тот отрицательно помотал головой, а Энджи побледнел от возмущения.

– Ты играешь шулерскими костями?!

Мальчишка потупился и снова принялся врать.

– Всего один раз! Они не мои! Мне их одолжили! Эти парни обыграли вчера моего брата! Я всего лишь хотел отыграться, забрать наши деньги!

Не дослушав до конца, я громко зевнул.

– Понятно. Врать ты тоже не умеешь. Нет у тебя никакого брата и шулерствуешь ты не в первый раз... Что будем делать? – спросил я у Энджи. Мой друг казался немного растерянным.

– Гэл, ты уверен, что он... говорит неправду?

– Еще бы! В отличие от тебя, я вранье отлично чувствую. Значит так, артефакт конфискуем, а его самого...

Договорить я не успел. Атэр вскочил, выхватил из рук Энджи свою драгоценность, перепрыгнул через меня и исчез в кустах. Я услышал, как он ломится сквозь заросли, и запустил следом маленькое заклинание, которое всегда держал про запас именно для таких случаев. Хруст веток на мгновение стих, послышался сдавленный вскрик, звук падающего тела и негромкий свист. Энджи поморщился.

– Ну? – спросил я. – Как он тебе?

– Хороший мальчик, – вздохнул ангел, – только немного...

– Бессовестный вун, подхалим и мелкий жулик. Это ты хотел сказать? Ладно, пойдем посмотрим, что с ним там.

«Двойная удавка» действовала безотказно. Мы вышли на маленькую поляну и увидели Атэра, висящего вниз головой в нескольких метрах над землей. Он беспомощно болтался на невидимой веревке, дергался и раскачивался, а физиономию его перекосило от удивления пополам со страхом.

– Ну, что? – дружелюбно спросил я, подходя ближе. – Как висится?

– Отпустите меня! – воскликнул подросток. – Я же ничего не сделал! Просто испугался, что вы будете меня бить!

– Надеюсь, ты понял, что убегать бессмысленно? – спросил я насмешливо.

Атэр закивал, глядя на меня со всей возможной преданностью. Я щелкнул пальцами, и удавка ослабла. Мальчишка полетел на землю. Несколько мгновений он лежал в траве, приходя в себя, потом сел и пробормотал:

– Кто вы такие?

Я посмотрел на Энджи, тот кивнул, и мы приняли наши подлинные образы.

– Ух, ты! – Атэр вытаращил глаза на белые крылья моего друга. – А я думал, что все это сказки. Про вестников¹...

Я улыбнулся про себя – хороший оказался мальчик. Наивный жулик. Из него должен получиться отличный ученик. Наконец оторвавшись от созерцания Энджи, юный шалопай уставился на меня.

– Он – ангел. А ты кто?

– Наоборот. Демон.

– Вестник и демон, – Атэр потер лоб, зажмурился и снова открыл глаза.

– Не волнуйся, – усмехнулся я. – Ты не ударился головой, не напился и не умер. Мы настоящие.

– Откуда вы взялись? Что вам от меня нужно? – спросил он встревожено, едва дослушав, и в его голосе послышались жалобные интонации, на которые мгновенно отреагировал Энджи.

– Мы расскажем тебе, – ласково пообещал ангел.

Мы снова уселись в траву напротив недоверчивого, слегка помятого «удавкой» мальчишки, и стали рассказывать. В основном, конечно, я, потому что в этот раз была моя очередь просвещать «ребенка» относительно его прошлых жизней. Кое о чем пришлось умолчать.

¹ αγγελος (древнеэллинистический) – «ангелос» – вестник

Например, о том, что Атэр был Верховным демоном. По нашему с Энджи мнению, эта информация могла здорово повлиять на слабую человеческую психику. В лучшем случае, он нам просто не поверит, а в худшем – начнется мания величия. Поэтому я сказал Атэру, что мы были знакомы в прошлом и теперь, испытывая самые теплые дружеские чувства, хотим помочь ему в этой жизни.

Мальчишка внимательно выслушал меня, глубокомысленно помолчал, а потом сказал.

– Ну, ясно. Демон хочет забрать мою жизненную силу и душу. Но я не пойму, чего нужно вестнику.

На мгновение мы с Энджи обалдели, а потом я рассердился.

– Не болтай ерунду! На кой мне сдалась твоя душа?!

– Нам ничего от тебя не нужно, – произнес мягко терпеливый Энджи. – Поверь, мы всего лишь хотим помогать тебе. В человеческой жизни так много неприятностей. Как сегодня... Наша помощь всегда может оказаться полезной.

– Ладно. – Атэр прищурился и подозрительно пригляделся к Энджи, светящемуся искренней заботой. – Я все понял, а теперь говорите, что вы мне хотите предложить.

– Предложить? – переспросил удивленно мой партнер.

– Ну, да. Что обычно предлагают – богатство, власть... Что ты мне можешь дать?

Энджи вскинул светловолосую голову, и его полураскрытые крылья засветились ярче.

– Тебя ждут великие дела и самые высокие достижения, если пойдешь по пути Света. Изменения, которые приведут к познанию добра и счастья.

– Ну, это понятно, – Атэр довольно-таки небрежно отмахнулся от него. – Свет, добро, ничего конкретного.

– Слушай, мальчик, не хами, – недовольно вмешался я. – Тебе, между прочим, умные вещи говорят.

Атэр тут же повернулся ко мне.

– А ты что можешь мне предложить?

Я потянулся и сказал лениво:

– Все, что угодно. Все, чего ты захочешь.

Глаза мальчишки заблестели подозрительно ярко.

– Все?!

– Да, – ответил я снисходительно.

– Тогда я хочу...

– Стоп! Не торопись. Один момент. Я не собираюсь исполнять твои желания. Я могу научить тебя, как добиться желаемого. Хочешь денег – расскажу, как их заработать, хочешь славы – помогу ее получить. Но, сам понимаешь, методы осуществления желаний будут... скажем так, совсем не ангельскими.

Атэр нахмурился, напряженно думая. И прочитать все человеческие сомнения, копошащиеся в его душе, было очень легко. Он боялся, что мы говорим ему не все, и за нашими предложениями скрывается коварный подвох, который он никак не сможет разгадать. Он не доверял нам – мне в первую очередь – и немного побаивался.

Энджи тихонько вздохнул. Мой друг тоже сомневался. Ему не давала покоя чисто ангельская проблема. Имеем ли мы право вмешиваться в человеческую жизнь Атэра, уводить из нормального мира и морочить голову всякими магическими штуками? Не лучше ли оставить человека в покое и не лезть со своими нравоучениями? А с другой стороны – как бросить его одного, после того, как Булфер (пусть и не по своей воле) выбрал путь к совершенству?.. В общем, убийственная вещь эта ангельская совесть. Шагу нельзя сделать, чтобы не споткнуться об нее.

– Ладно, – сказал вдруг Атэр, и лицо его просветлело. – Я согласен.

– Извини? – осведомился я очень вежливо. – На что ты согласен?

– На все. Вы мне подходите оба. Действительно, мало ли что в жизни пригодится.

Ну и наглец! Если бы не присутствие Энджи я бы влепил мальчишке хорошую затрещину, чтобы не забывал, с кем разговаривает.

– Мне нужно что-нибудь подписать? – деловито спросил Атэр и требовательно посмотрел на ангела.

– Нет, – ответил тот с улыбкой. – Ничего подписывать не нужно.

На лице мальчишки мелькнуло легкое разочарование. Наверное, он боялся, что без заключения контракта, мы будем увиливать от выполнения своих «обязанностей».

– Тогда вы должны обещать, что будете появляться, когда мне понадобится ваша помощь. И вообще всегда появляться, как только я позову.

С очаровательной серьезностью Энджи наклонил голову, сказал: «Даю слово», и выразительно посмотрел в мою сторону. «Гэл, ты же видишь, как это для него важно!» Никогда раньше от меня не требовали являться по первому зову какого-то сопляка, но спорить с ангелом не хотелось, и я проворчал недовольно.

– Ладно. Я тоже обещаю.

– А как мне вас называть? – тут же полюбопытствовал пройдоха.

– Меня зовут Энджи, – с готовностью сообщил мой друг.

– Я – Гэлинджер. Можно просто Гэл.

– А я – Валерий Октавиан Транквил.

– Ну уж нет! – грозно сказал я. – Никаких Валериев. Еще я все твои новые имена не запоминал. Мы будем звать тебя Атэр.

Глава 2, *где, кое-какие планы нашего скрытного протекже раскрываются*

Дорога была засыпана щебнем и песком. При каждом шаге в воздух поднималась пыль, которая оседала на одежде, лице и волосах. Высокие деревья с узкими длинными листьями, росшие на обочинах, не защищали от солнца. И оно жарило всюду. На много миль вокруг лежали сухие степи бледного палевого цвета.

Городок, под названием Лацерна, где состоялось наше знакомство с Атэром, пришлось покинуть. Как выяснилось, мальчишка не жил в нем, а лишь остановился ненадолго по пути в Великий Рэйм. Что надо обормону в столице империи – для меня не составляло труда догадаться. Мелкому шулеру и воришке, каким он предстал перед нами, не было ничего лучше, чем, в поисках легкого заработка, отираться в огромном городе. Логика моего предположения была, безусловно, бесспорной. Конечно, пройдоха не хуже, чем я, понимал – лишь в подобном месте его сложно будет поймать тем бестолковым шалопаем, которым повезет оказаться обжуженным одним из самых могущественных (правда, в прошлой жизни... Эх, Буллфер...) демонов.

Я никогда не любил мотаться по срединным землям, кочуя из одного поселения в другое. Везде разные обычаи. Того и гляди, влипнешь в дурацкую историю. И, самое неприятное, никогда не знаешь, что именно вызовет негодование аборигенов. Гораздо спокойнее остановиться в одном месте, и потихоньку обживать его (как мы с Энджи обычно и делали). К великой моей радости, мы встретились с Атэром практически у цели его пути. От Лацерны до Рэйма было почти рукой подать – всего три световых дня пути.

Таким образом, вот уже двое суток нашего непрерывного общения я созерцал своего могущественного прежде хозяина в новом воплощении. И, честно говоря, впечатлен был не очень.

Парень оказался, на мой взгляд, простоват. Особенно для проходимца. Ну, во-первых, этот прокол с выигрышем в кости. Умный, на его месте, должен был исхитриться и провести все по-другому – чтоб не заподозрили. А так, не будь нас с ангелом – и что? Покалечили бы, чего доброго. Опять же, давал я ему хорошие советы по разным поводам, предлагал кое-какие интересные вещи, нашептывал про соблазнительные партии, но следовать тому, что я говорю, Атэр не спешил. Разве может это быть чем-то, кроме прямой бестолковости смертного?

Выслушивал он ангела, надо признать, правильно, здесь я не мог придраться. С оттенком небрежного равнодушия на лице. Правда, такое же отношение получал и я. Но хоть не обидно.

Энджи, конечно, как всегда мне противоречил. Уж не знаю из каких гуманистических соображений (видно, чтобы я не чувствовал полное разочарование) он заявил, что чувствует, будто мальчишка очень даже внимателен и, похоже, старается запоминать все, о чем рассказывает каждый из нас. Ну, уж оставлю это вранье на его совести...

Сегодня, с самого утра, наша компания тащилась по дороге, которая должна была наконец-то привести к воротам великой столицы не менее великой Рэймской Империи. Мы с ангелом шли впереди. Конечно же, приняв человеческий облик, дабы не смущать нервных смертных. Которых, кстати, на этой раскаленной пустоши и повстречали-то всего раз за прошедшую половину дня.

Это все Энджи. Натурализм ему подавай. Естественность людской жизни. Нетронутость нежной человеческой психики и тонких душевных переживаний. Вон, бредет теперь – золотые кудри стали грязно-серыми, тога запылилась и вместо красивых складок волнами – походит на жеваную бумагу. Но, в общем, он, в принципе, и так неплох. Спина ровная, голову держит

высоко поднятой, шагает довольно размеренно. Еще бы – делать это ему значительно проще, чем мне, потому как весу в Энджи фунтов на тридцать пять меньше. Как человеку, ему и лет не много – двадцать три года.

Не повезло ангелочку, он умеет принимать лишь один облик, кроме собственного, ангельского. Становится человеком. Да и то, возраст смертного, коим он пребывает, напрямую зависит от внутреннего развития самого Энджи. Поэтому раньше ему приходилось бегать четырнадцатилетним мальчишкой. Впрочем, и теперь... подумаешь, чуть старше двадцати. Несерьезно это. По человеческим законам – неполное совершеннолетие: семью не завести, избрание на должности в советы городов тоже запрещено.

Поскольку у меня, в отличие от него, выбор есть, я создал облик посolidнее. Считаю, что почтительность при обращении к моей персоне должна присутствовать. Не надо нам таких ясных глаз и тонкого румянца. Смуглая кожа, пошире плечи, глаза почернее и взгляд пронзительней. Обличье серьезного мужа тридцати с небольшим лет отпугнет от меня как любителей давать наставления молодым-неопытным, так и желающих облапошить незадачливого юнца. Да и в драке больше пригодится крепкий кулак. Кому нужна эта внешняя утонченность?..

По-хорошему, я был бы не прочь прогуливаться и в своем истинном облике. Не мучался бы так от жары. Но нет, все ангел. Подумаешь, какие нежности в общении с простолюдинами. Что они – демонов не видели?! Вон, Атэр не очень и удивился при моем появлении.

Наглейший, кстати сказать, мальчишка. Просто диковина какая-то. Мало того, что он вытянул из нас, чуть не клещами, обещание приходить по первому зову. Так потом и вовсе заявил, что ему скучно, страшно и опасно идти одному в незнакомый город. Дескать, его страдания и так безмерны, несколько лет назад остался без семьи, дома, а тут единственные существа, которые желают ему помочь не погибнуть в этом мире, сразу от него же и отказываются.

Мальчишка бубнил все это чуть не со слезами на глазах. И был так убедителен в своем непритворном страдании, что Энджи сжалился и, за весьма короткое время, уговорил-таки меня согласиться стать «ненадолго» его провожатыми, друзьями, и чуть ли не родственниками.

Теперь Атэр тащился сзади и периодически начинал выражать неудовольствие методом нашего передвижения. Уроки магии, которые мы сразу же начали ему давать (я – чтобы проверить потенциал, Энджи – «научить элементарным средствам защиты») пока проходили впустую. Но некоторых моих профессиональных слов мальчишка уже нахватался.

– Могли бы и телепорт открыть. Плетемся по жаре, словно бродяги...

Честно говоря, открыть телепорт страшно хотелось. У меня вся спина взмокла от пота, и по вискам текли две тонкие струйки. Духота, чего и говорить. Солнце в зените. Но мы с Энджи еще в прошлые разы решили, что Атэру надо учиться преодолевать любые сложности. К тому же, неудобство будет стимулировать его к работе над собой. Однако, этот наглец не испытывал ни малейшей благодарности за наше педагогическое благородство. Хотя сами мы (я, лично!) страдали не меньше мерзавца-жалобщика, растопившего сердце «вестника».

Вот и шли бы вдвоем! По солнцепеку. А я б накинул заклинание невидимости – «плащ тени», или вообще отдыхал пока в питейном заведении, а потом уже, к вечеру, нашел этого милосердного с нашим питомцем. Так, опять же, испортит без меня мальчишку, разрушит авторитет, привьет какие-нибудь дурацкие понятия. Он только с виду честный и наивный. А я-то знаю, что эта честность выходит мне боком. Тьфу! Морока...

Поэтому, передвигая ноги по жгущему сквозь подошвы сандалий песку, я мысленно ругался с Энджи и воображал себя мучеником. Как и все мученики, погибающим совершенно бестолково.

Внезапно Атэр остановился, топнул ногой, и вскрикнул:

– Эй, вы! Хоть тучи наколдуйте!

– Сам наколдуй, – довольно-таки грубо ответил я.

– Ну, да! Я не умею!

– Учись.

– У меня не получится.

– А ты попробуй, – посоветовал Энджи доброжелательно...

Колдовать у парня не выходило. Кажется, он был способен только на мелкие шулерские опыты с костями. Все мучительные попытки Атэра открыть свой собственный телепорт ни к чему хорошему не привели. К плохому, впрочем, тоже. Похоже, у него не было вообще никаких серьезных магических способностей. (Эх, Буллфер, Буллфер...)

– Все! Не могу больше! Отстаньте! – Атэр попытался повалиться в едва заметную тень под дерево, но я схватил его за шиворот и поставил на ноги.

Очень вовремя. На дороге за клубилась пыль. Загрохотали лошадиные копыта, и мы увидели пятерых всадников на взмыленных конях. Один из наездников был женщиной. Я успел разглядеть длинные пшеничные волосы и синее с золотом платье. Человеческая компания пронеслась мимо, засыпав нас пылью с ног до головы.

– Это она, – благоговейно прошептал Атэр, перестав отплеиваться от сухой грязи. – Смотрите, это она!

– Кто «она»?

– Лурия ² Арэлл Селфийская – невеста лурия ³ лудия ⁴ Клавдия... Я хочу попасть к ней на службу.

Мы с Энджи переглянулись. Вот и выяснилась цель путешествия нашего скрытного протеже.

– Малыш, ты ошибся временем. Этой красотке слуги не нужны. У нее полно рабов.

Атэр упрямо мотнул головой.

– Я свободный человек. Но я ей нужен.

Как же, нужен ты ей! Но самомнение парня впечатляет.

– Почему ты так думаешь? – поинтересовался Энджи, машинально наводя телепорт следом за всадниками. Я толкнул его в бок, чтобы не смел облегчать участь нашего ученичка. Энджи рассеянно покачал головой, не обращая внимания на мое предупреждение.

– Мы с ней оба элланы, – гордо ответил Атэр, не замечая нашего педагогического разногласия. – Кстати, вот мое первое желание. Сделайте кто-нибудь так, чтобы она встретилась со мной. Гэл, для тебя же это пустяк.

Мальчишка требовательно посмотрел на мою персону, и мне снова захотелось дать ему подзатыльник. Аж ладонь зачесалась. Но пришлось сдержаться. Энджи не одобряет применение грубой силы в воспитательном процессе.

– Ладно. Встретишься. Но убеждать взять себя – будешь сам.

– Ха! Уж поверь мне, я это сделаю!

Атэр довольно рассмеялся, сделал несколько сложных танцевальных движений, опять же подняв облако пыли, и схватил Энджи за руку.

– Ну, так что там с телепортом?

«Ворота» перенесли нас под стены города. Я привычно сворачивал заклинание, как вдруг прямо из пустоты на меня свалился чуть ли не визжащий от восторга Атэр.

– Гэл! Вот это да! Переход, что надо!

Ясно. Смертного потрясло перемещение в ангельском телепорте. Сомнительное удовольствие, очень подходящее человеку.

² Лурия – высокородная госпожа.

³ Лурий – господин. Уважительное обращение к высшей знати.

⁴ Лудий – наследник. Обладает определенными привилегиями, имеет два голоса в сенате. В случае смерти императора становится правителем Рэйма.

Следом за Атэром появился Энджи. Немного напряженный и усталый. Ага... Вот тебе, ангел, получил? Тащить за собой упирающегося мальчишку, вопящего от ужаса и восторга, и цепляющегося за все выступающие грани тонкого заклинания – занятие не из приятных.

– Потрясающе! – продолжал восхищаться Атэр. – Раз, и я уже здесь! В следующий раз меня будет переправлять Гэл. Сравню, как лучше путешествовать.

– Давай-давай, – ехидно отозвался я. – Рискни. Не боишься, что нос окажется на лбу?

Энджи улыбнулся, Атэр непроизвольно схватился за лоб.

– Это почему?

– А потому, что демонский телепорт работает на принципе распыления. Тебя «разби-рает» на мельчайшие частицы в одном месте и собирает в другом. Но я не могу гарантировать, что ты «соберешься» правильно. Ты же не демон. Ангельские ворота перемещали тебя целиком.

Атэр нервно сглотнул, видимо, представил себя в обратном порядке воплощенным и решил.

– Тогда я лучше буду всегда с ангелом... перемещаться.

Утомленный Энджи с немой упреком взглянул на меня («Спасибо, Гэл...»). «Всегда пожалуйста, – „ответил“ я едко. – Вот тебе твоя свобода выбора.»

– Ладно, – произнес я вслух. – Нам надо найти гостиницу или постоянный двор. Отдохнуть, переодеться, поесть.

– Поесть – это хорошо, – жизнерадостно отозвался Атэр. – А переодеваться мне не во что.

Я оглядел его с ног до головы. От потрепанных сандалий, минуя старенький пыльный гиматий⁵, до нестриженных, торчащих во все стороны вихров на голове.

– В таком виде тебя не пустят даже на порог внешних ворот дворца.

Ладно, потом разберемся. Работа у меня такая. Изобретать выходы из всех дурацких, глупых ситуаций. И сдалась ведь мальчишке эта лурия. Жили бы в домике на тихой улочке, занимались полезными делами, то есть магией, гладишь, недотепа Атэр подрос немножко, поумнел... а там, может, постепенно и догадались, как вернуть нашего прежнего Буллфера. Так нет, дворец ему подавай... «К власти тянет, – решил я. – Ну что же. На то он и Хозяин. Хоть и бывший.»

⁵ Гиматий – короткий плащ, доходящий до середины бедра.

Глава 3

Арэлл Селфийская

Дворец был огромным.

Невероятно огромным, по мнению Арэлл. Город в городе. Полторы тысячи статий ⁶ в длину и тысяча в ширину. Он лежал на Претикапийском холме, почти придавив его к самой земле массивным каменным ложем. Монументальное сооружение строили из знаменитого «шахтного песка», грунта шоколадно-красного цвета. Смешанный с известью, он превращался в бетон невероятной прочности. Поэтому стали возможны все эти изогнутые воздушные арки, вознесенные на необозримую высоту, купола, многогранные залы...

Теперь нет причин бояться, что потолок провалится, не выдержав предельного давления свода на стены. (Так уже было в Фердене, когда деревянный амфитеатр рухнул на головы двумстам свободным гражданам, пришедшим полюбоваться на профессиональных игроков в мяч.)

Снаружи резиденцию рэймских императоров облицевали полированным белым мрамором и огнеупорным камнем из Гапии. На входе, в гигантском вестибюле, стояла статуя императора Светония в виде древнего бога времени Айона. Высотой в сто двадцать статий. Надменное суровое лицо и руки, держащие свиток и жезл, были из белой слоновой кости, а длинные одежды собраны из тщательно подобранных и отполированных золотых пластинок. На постаменте вилась надпись на древнерэймском «Время победивший».

Арэлл считала, что это неслыханное кощунство. Впрочем, «победивший время» дед Клавдия, император Светоний Веспосиан Великий погиб самым бесславным образом. Его сбросила лошадь. Любимый снежно-белый иноходец неожиданно взвился на дыбы, Светоний упал на гладкий мраморный пол, ударился виском, и уже вечером во дворце потушили все факелы. Великий император умер, оставив своим нерадивым наследникам огромную империю, медленно издыхающую под властью демонов и непомерных налогов.

Статую из вестибюля так и не убрали. Обычно каждый следующий преемник спешил воздвигнуть на этом месте собственного идола, но Клавдий, по-прежнему, прятался в тени своего могучего деда и был верным призраком отца. Любезный, вежливый, внимательный, терпеливый. Всегда готовый развлечь новой шуткой, подать стило для письма, бокал вина или дельный совет. Отец – нынешний император Помпей Транквил – ценил его. Казалось, даже любил. Рассчитывал на него, это точно. Лудий отвечал взаимной привязанностью. И только Арэлл знала, как Клавдий мечтает о власти. Настоящей, полновесной, только для него одного.

– Чушь, бред, все эти слова, на постаментах наших предков, – говорил он, расхаживая по своей любимой дворцовой палате. Ее стены, мебель и даже полы были отделаны тончайшими полосками перламутра. Целые картины из разноцветных кусочков раковин переливались, мерцали, отражали свет и светились собственным. – Все эти «Великие», «Победители», «Благодатные» и «Божественные». Мы не правим этим миром. Демоны, вот кто настоящие власти. Если б я имел хотя бы десятую часть их силы...

Клавдий смотрел на свои ухоженные белые руки с одним единственным перстнем всадника и сжимал пальцы так, словно хотел сомкнуть их на чьей-то шее.

– Ну, ничего. Я подожду. Дождусь и возьму то, что мне положено. Не так ли, моя золотоволосая?

Арэлл Селфийская была спокойна и уравновешена. Все считали ее такой. Девушки с севера Эллиды отличались твердым характером, верностью и благородством. Никто не знал,

⁶ Статия – мера длины, приблизительно равняется 1 метру.

что в глубине ее души, словно маленькая саламандра, спит неудержимое бешенство. Не стоит тыкать палкой безобидную на первый взгляд, огненную ящерицу, просыпаясь, та становится жестока и свирепа.

– Клавдий, этот дворец забит золотом до самой крыши. Жемчуг Лоллы стоит сорок миллионов сестерциев. Твой перстень, один только перстень стоит миллион. А твой народ...

– Арэлл. Дорогая моя, боюсь, ты по-прежнему не понимаешь. Эта роскошь оправдана. Всеми нами правят демоны. Мы ничто перед ними, беспомощны и жалки. Что мы можем им противопоставить в глазах того же самого народа. Позволь, я напомним тебе древнюю легенду о старых богах. Они были прекрасны, вечно молоды и жили в золотых чертогах. Мы – как эти древние боги в глазах простых людей.

Он повел рукой величественным, отрететированным жестом. Маленькая саламандра в душе Арэлл тут же подняла голову.

– Твой народ продает себя в рабство, чтобы не умереть от голода. Пшеница не растет на болоте, там даже ячмень еле вызревает, а ты требуешь 300 сиклей⁷ белой муки с каждой крестьянской семьи в год! Они сами не едят хлеб, но отдают его тебе! Твоим демонам! Ты не бог, Клавдий! Ты ничтожество!

«Сейчас он меня ударит!» – с тихой злостью подумала Арэлл и представила, что как только это произойдет, она схватит вон ту золотую чашу с виноградом и с размаху, с наслаждением, швырнет ее в сытую, гладко выбритую физиономию Клавдия. А потом... Ей не удалось додумать, что будет потом. Жених сдержался, проглотил оскорбление, улыбнулся победившими от бешенства губами.

– Я понимаю, дорогая. Тебе трудно привыкнуть. У вас же там... ну, там, откуда ты... все очень просто. Рабы едят за одним столом с хозяевами. Спят в одной комнате. А кое-кто до сих пор поклоняется этой ужасной богине плодородия. И все же тебе придется вести себя достойно твоего теперешнего положения. Забудь свою деревню. Не будь столь вульгарной.

Клавдий развернулся и пошел прочь из покоев. На выходе ему все-таки удалось отвести душу. Молчаливый неподвижный телохранитель-тень Арэлл стоял у двери. Сын императора замедлил шаг, размахнулся и влепил ему пощечину, все еще зудевшую в руке. Гай не пошевелился, пустые глаза его по-прежнему ничего не выражали. Удовлетворенный, Клавдий поправил ободок перстня на пальце и удалился.

Дальше все было почти так, как представляла себе Арэлл. Девушка схватила чашу и швырнула ее в стену. Золото зазвенело по полу, виноградный сок потек по перламутру стен.

– Ничтожество! – повторила она. Глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. – Я приношу свои извинения, Гай. Лудий Клавдий сегодня не в духе.

Молодой человек молчал. Лицо его под полибийским шлемом с высоким плюмажем казалось совершенно непроницаемым.

– Гай! В этом дворце достаточно статуй! Поговори со мной!

Телохранитель-тень хорош тем, что его присутствие можно не замечать, меняя наряды, беседуя с подругами, гуляя в нижних садах. Бездушная, верная, не устающая игрушка... Арэлл размахнулась, чтобы шлепнуть его по чешуйчатой блестящей лорике⁸, но Гай неожиданно перехватил ее руку. Деликатно, но крепко.

– Вы можете пораниться, госпожа.

– Значит, ты защищаешь меня и от себя самого?

Он выпустил ее запястье, но не замер вновь неподвижной величественной статуей, продолжая смотреть на Арэлл. Живые глаза на живом лице. А она слишком устала от статуй.

– Вы смелая женщина, – сказал он неожиданно.

⁷ Сикль – мера веса, равняется 0,25 килограмма. 300 сиклей – 75 килограммов.

⁸ Лорика – чешуйчатая бронзовая кираса.

– Я? Почему?

Он не ответил, посчитав, видимо, что и так позволил себе недопустимую вольность. Заговорил со своей госпожой.

– Нет, подожди, не замирай снова. Давай поговорим. Почему ты решил, что я смела? Только из-за того, что злю Клавдия? Но это не смелость. – Отчаяние.

Гай молчал. Можно было подумать, он внезапно потерял слух и голос одновременно.

– Условности. Сплошные условности. – Арэлл подобрала с пола маленькую кисточку винограда и задумчиво повесила ее на одну из пластин лорики Гая. Прямо на грудь. – Это тебе орден. За доблестное молчание.

Уголки губ телохранителя чуть дрогнули. Значит, долго не продержится. Девушка довольно рассмеялась, оторвала от веточки виноградный лист и украсила им плюмаж шлема. Для этого пришлось приподняться на цыпочки. Отступила на шаг, полюбовалась своими трудами. Телохранитель постепенно превращался в древнего бога виноделия, украшенного плодами и листьями. Остается найти подходящий жезл вместо копья. Улыбаясь, Арэлл отвернулась.

– Госпожа, можно задать один вопрос?

– Можно.

– Ваши волосы... это настоящий цвет?

– Да. Настоящий.

Свободные граждане великого Рэйма почти все были темноволосы. На длинные золотистые локоны Арэлл знатные рэймлянки смотрели с тихой завистью. Им, чтобы получить цвет такой чистоты приходилось красить свои косы сложными составами из трав и отбеливать их на солнце.

– Еще вопросы, Гай?

– Больше вопросов нет. Но есть один совет.

– Совет?!

– Предостережение. Будьте осторожны, когда говорите в этом дворце о демонах.

– О демонах? Что ты имеешь в виду? Я говорю о них то же самое, что и все остальные.

Но он замолчал и теперь надолго. Напрасно Арэлл, уже сердясь, требовала объяснений. Гай, видимо, решил, что и так сказал слишком много.

...Во дворце было пятьдесят жертвенников. Тридцать малых и двадцать больших. Под ними постоянно тлели угли, а над чашами вился красный дымок – тонкие струйки, похожие на жадные раздвоенные языки. Особые рабы, одетые в передники из красной кожи, с волосами, смазанными маслом и посыпанными золотой пылью, следили за тем, чтобы демонический огонь не оставался без пищи.

Арэлл казалось, что возле массивных золотых треножников клубится почти материальное зло. Клавдий после каждого ритуального обряда сутки отлеживался в своих покоях, прикладывая ко лбу куски мокрой ткани, орал на рабов и выливал на себя благовония флаконами. Но не мог избавиться от запаха крови, который мерещился ему везде.

– Невозможно! Невыносимо! – бормотал он. – Тога безнадежно испорчена. Какая мерзость! Вышвырнуть! Убрать! Сжечь это все. Все! Не волнуйся, душа моя, скоро тебе придется проводить эти ритуалы вместе со мной.

– Никогда. – Арэлл мрачно смотрела на него, трясущегося от усталости и отвращения, бледного, с запавшими щеками, с морщинами, неожиданно появлявшимися на молодом лице. – Разве ты не чувствуешь, что они тянут силу из тебя? Им нравится твоя человеческая беспомощность. Они питаются... тобой.

Клавдий рассмеялся и приподнялся на ложе, отпихнув локтем раба, деликатно растирающего его плечи.

– Мне нравится, что ты абсолютно не искушена в дворцовой жизни. Демоны не баловали вас... там, у тебя на родине, частыми визитами. Наверное, поэтому ты производишь впечатление очаровательной невинности... такое необычное и притягательное... Иди сюда.

Арэлл брезгливо поморщилась, разглядывая человека, излучающего физическую и духовную немощь после сложных ритуальных действий возле жертвенника. Не почувствовала в себе ни малейшего желания приблизиться, развернулась и стремительно вышла из покоев, гнетущих обилием золотых украшений.

Они должны были пожениться через несколько месяцев после ее приезда в Рэйм. Свадьба наследника, по давней традиции, могла состояться только во время осеннего праздника со сложным названием, которое элланка так и не запомнила.

Клавдий был прав. Она не видела демонов. Почти не видела до того, как оказалась в столице Великой Империи.

Она не знала, *что* их тянет сюда. – Роскошь и нищета, находящиеся совсем рядом? Люди, желающие стать при жизни богами и готовые ради этого принять силу темных существ? Или удобное расположение этих земель? Может быть, демонский мир здесь слишком тесно прилегает к миру человеческому, и граница между ними очень тонкая... Никто не знал. Но они были... Утонченные, привлекательные – и отвратительные. Изысканная смесь уродства и очарования. Высшим нравилось играть на низменных чувствах людей, заставляя получать удовольствие, созерцая их отталкивающий облик...

Арэлл сидела в саду на резной скамейке из делосского мрамора и смотрела на пруд. Вокруг росли деревья редких пород, привезенные со всех концов страны. Среди них прыгали и щебетали маленькие птички. Под ивами, растущими у воды, резвились каменные наяды. Ажурные беседки оплетал виноград. В высокой мягкой траве проложены тропинки. Где-то мелодично плещется ручеек. Если уснуть возле журчащей быстрой воды, она может унести твою душу прямо в царство мертвых, говорили древние. Именно это, по легенде, случилось с Неоном, прекрасным и задумчивым, задремавшим возле говорливого ручья.

Из-за густых кустов вышла маленькая ручная лань с золотым колокольчиком на шее. Тряхнула пушистыми ушами, подошла ближе, аккуратно ставя тонкие ноги с крошечными копытцами на траву. Доверчиво ткнулась мокрым носом в руку Арэлл. Выпрашивала лакомство.

В этом саду не было ничего необычного, кроме того, что он был частью дворца. Высокий купол с тысячами прозрачных стекол закрывал его от настоящего неба. Система насосов подавала воду из реки в долине. И дождь в саду тоже никогда не шел.

Лань повела чутким ухом и вдруг прыгнула за кусты, из которых появилась. Тонко звякнул колокольчик на ее шее. Арэлл вздрогнула от неожиданности, и тут же услышала за своей спиной негромкий, бархатный голос. Обернулась и застыла. Рядом стоял демон. Высший, естественно. У этих существ тоже была сложная система иерархии. Обычным, незнатным, не разрешалось разгуливать по дворцу, им принадлежали только дома бедных граждан в нижней части города.

Демон был одет в черную тогу с пурпурной полосой от ворота до подола. Широкий рубиновый пояс, на шее – круглый золотой амулет с непонятным изображением. На ногах красные калцеи⁹. Наглость, с какой этот незванный гость вырядился в костюм старинного патрицианского рода, поражала. Впрочем, *они* были хозяевами, одевались, как хотели и во что хотели.

Арэлл почувствовала себя так, будто была сделана из стекла. Прозрачной. Демон мог видеть ее насквозь, читая мысли и наслаждаясь человеческими чувствами.

– Какая неожиданная находка. Я не хотел нарушить ваше уединение, прекрасная нимфа.

⁹ Калцеи – обувь типа башмаков, которая носилась с тогой.

– Вы не нарушили. Я уже ухожу.

Лучше бы он был зверем с когтями и клыками, чем любезным господином в черных одеждах. Это только оболочка. Он не человек. Он не должен говорить по-человечески.

Незванный гость усмехнулся, слыша то, о чем она старалась не думать.

– Не нужно считать нас зверьми. Хищниками, которые уничтожают все живое. Хотя уничтожить вас было бы очень приятно.

Арэлл не вздрогнула, не пошевелилась, глядя прямо, в привлекательное молодое лицо существа.

Он указал на скамью.

– Вы позволите?

Девушка отодвинулась. Может быть слишком поспешно, но демон не обратил на это внимания, усаживаясь рядом. Щелкнул пальцами. Возле его руки возник столик на тонкой ножке, где стоял блестящий белый сосуд с длинным изогнутым носиком и две маленькие чаши с крошечными ручками. Обе были наполнены черной жидкостью, над которой вился пар.

– Прошу вас, угощайтесь.

Арэлл не чувствовала себя настолько безумной, чтобы пробовать демоническое питье. Но чаша, стоявшая на тонком, почти прозрачном, крошечном блюде, оказалась у нее в руках. Демон рассмеялся.

– Не бойтесь. Это не яд. И не черная грязь Гадэса¹⁰.

Он смеялся над ней, и она должна была вести себя достойно.

– Что это за материал? – Арэлл провела пальцем по краю чаши. – Не мрамор, но...

Демон скривился презрительно.

– Вы тут все помешались на своем мраморе. Это фарфор, девочка. Тонкий, изысканный, и очень хрупкий. Но вы, к сожалению, так и не научитесь его делать. Эту посуду лепят из... хм, глины в одной далекой стране маленькие умелые терпеливые люди. Забавно, не правда ли?

Она не поняла что в этом забавного, видимо демон думал о чем-то своем.

– Перестань заслонять от меня свои мысли. Я хочу знать, о чем ты думаешь. И пей. Этот напиток просветляет сознание, освежает чувства и возбуждает.

Арэлл поставила чашу из фарфора обратно на столик, стараясь, чтобы ее руки не дрожали, и поднялась.

– Благодарю вас, но...

И тут на нее навалилась тяжесть руки демона и его магическая сила. Девушка опустилась на скамейку, чувствуя слабость, бессилие, равнодушие. Холодные пальцы держали ее за шею.

– Я не люблю, когда мне отказывают, – промурлыкали над ней вкрадчиво.

Было все равно, что случится дальше, но рядом вдруг прозвучал голос Гая, верного до безрассудства телохранителя.

– Эта женщина принадлежит лудию Клавдию.

– Эта женщина принадлежит мне! – проревел демон, теряя весь свой благородный лоск. – Так же, как и твой тупоумный Клавдий и ты, смертный. И весь этот ничтожный сарай, который вы называете дворцом!

Арэлл отпустили, и она упала на скамейку, браслеты на ее руках звякнули о камень. Гай стоял напротив демона. Ему хватило ума не направлять на врага копье, но отчаянно-решительный вид телохранителя обещал тому немедленные неприятности.

– Хотел бы я знать, как ты, дубина, собираешься помешать *мне*, – демон с искренним любопытством уставился на человека.

Гай не ответил, закрывая собой Арэлл и крепче сжимая древко.

¹⁰ Гадэс – подземное царство Древних.

– Что ж, – решил гость, с усмешкой. – Если ты не хочешь с ней расстаться, придется забрать вас обоих.

Девушка не испугалась. Равнодушный покой, накотивший на нее, не позволил понять угрозу до конца. Куда забирают демоны? Вниз? В темный, мрачный, убийственный для людей мир.

Клавдий появился неожиданно, почти как та самая лань вынырнув из-за кустов, и мгновенно понял, угадал грядущие события. Арэлл, лежащая на скамье в полубессознательном состоянии, самоубийца-Гай и неожиданный гость, готовый перейти в последнюю стадию ярости.

– Господин! Повелитель! Божественный Некрос! Сиятельный! Чем вас разгневали эти люди?! – Клавдий сам понимал, что заговаривается. Безумие называть темное существо сиятельным, а тем более, божественным.

Давно забытые предрассудки всплыли вдруг из глубин древней памяти. Впрочем, сейчас главное говорить нужным тоном не важно о чем. Чтобы речь журчала, перекатываясь на особо метких выражениях, и ублажала слух этой властной твари.

Не зря же столько денег заплачено учителю риторики. И, конечно, упасть на колени. Слава Фортуне, он не страдал отсутствием гибкости позвоночника. И Клавдий говорил, убеждал и умолял. Простить глупую девушку и не в меру ретивого слугу. Кажется у них, там, внизу, тоже есть слуги. Она неразумна, дика, никогда не видела великолепных темных господ этого мира. Готов поклясться, господин, она вообще не поняла, кто перед ней. «Ну, подтверди, хотя бы кивни!»

Но Арэлл, упрямая, гордая до зубовного скрежета, смотрела холодно и равнодушно. Все она понимала. А не знала только того, как нужно бояться. Для чего нужен страх... Статуя, из золота и слоновой кости... Но сейчас не время думать об этом... А слуга – Повелитель, он всего лишь выполнял приказ защищать и охранять. Да, у нас верные слуги... слишком верные.

Демон стоял, посверкивая глазами, наливающимися подземным пламенем. Жуткое зрелище. Как будто в зрачках начинают вскипать маленькие озерца расплавленной меди. И продолжал твердить одно и тоже:

– Я намерен забрать её.

– Господин, десять... двадцать рабынь... самых лучших. Вместо нее одной.

– Неужели она так дорога тебе, Клавдий?

Да, элланские хрисоэлефантинные статуи всегда ценились очень высоко. Их везли через море, завернутые в дорогие мягкие ткани, забытые в ящики, чтобы не повредить бесценные материалы, не поцарапать тонкие золотые пластины. Ее тоже привезли из-за моря. Целую, нетронутую, ни одного изъяна, кроме ледяной гордости...

– Она дорога мне, господин.

– Что ж, это говорит только о твоём хорошем вкусе. Как ты подумал... статуя? Тогда потрудишься завернуть ее как следует. Мой дом тоже нуждается в хороших украшениях.

Значит, остается последнее средство.

Клавдий рванул цепочку, висящую на груди, ногтями подцепил крышку медальона и вытряхнул на ладонь золотой круг с письменами, отсвечивающими красным.

– Вы не можете забрать ее, господин. Сам Великий Инквизитор позволил мне взять ее.

Демон дернулся, оскалил клыки выросшие вдруг среди человеческих зубов.

– Инквизитор?! Смертный, если ты соврал, я разорву тебя на куски и разбросаю их по всему дворцу. Покажи!

Дрожащей рукой Клавдий вложил круг в протянутую ладонь демона. «Печать» была подлинной. И сын императора предпочитал не вспоминать, как ему удалось получить ее.

Гость рывкнул что-то на незнакомом языке, зло сверкнул глазами, швырнул разрешение на землю, и исчез. Растворился в воздухе...

Клавдий смотрел, как Гай опустил копьё, оперся на него, словно на посох, убрал за край кирасы кулон на цепочке – плоскую медную сферу с тонкой сеточкой рисунка. Смутно знакомого рисунка... Похоже, ноги его не держали. Арэлл тихо застонала, села, оперлась дрожащей рукой о скамейку. Лудий схватил чашку с остывшей темной жидкостью и выпил ее залпом.

– Не надо... не пей, – запоздало прошептала девушка, белой тонкой рукой растирая горло. Тоже белое с очаровательной ямочкой между ключицами....

– Дура! – крикнул Клавдий, швырнул пустую чашку, и та со звоном разбилась о мрамор тропинки. – Это кофе! Любимый напиток Некроса! Никто не собирался тебя травить!

– Не смей на меня кричать! Я не твоя рабыня! – голос ее был все еще хриплым, но непомерное достоинство уже звучало в нем.

Конечно, она готова быть рабыней кого угодно, только не его.

– Ты понимаешь, что я только что спас тебя!? Тебя и его! – сын императора ткнул пальцем в сторону телохранителя. Тот уже совсем пришел в себя. Лицо под шлемом мрачное, вызывающе невозмутимое. Человек, только что выполнивший свой долг. С честью.

– Арэлл иди к себе, – на удивление для себя самого спокойно произнес Клавдий. – Уберите оба! – Голос недостойно сорвался на крик. Но в нем не прозвучала благородная ярость, только беспомощность и злость. Арэлл поднялась, качнула золотоволосой головой и медленно удалилась, выплыла из сада. За ней бесшумно ушел верный телохранитель-тень.

Глава 4

Предсказание

С самого утра невеста наследника бесцельно металась по своей комнате. Опрокинула резной столик, разбила кратер ¹¹ с вином. На полу растеклась багровая лужа, и в ней отразилось солнце.

Сегодня было необычайно-яркое солнце. Оно заглядывало во все уголки дворца, его отблески сверкали на посуде, на белом мраморе стен, на кирасе Гая. И переносить этот блеск было невозможно.

– Ненавижу! Ненавижу их! – в ярости шептала Арэлл, потому что кричать было нельзя. – Ненавижу демонов! Убить! Убить их всех!

– Их невозможно убить, – прозвучал спокойный голос телохранителя. – Они неуязвимы.

– Неправда! – девушка повернулась к нему, но тут же зажмурилась. Огненный диск солнца сиял на металлической груди Гая, и на мгновение ослепил.

Нужно было подождать, пока перестанут мерцать разноцветные круги перед глазами. И продолжить уже спокойнее:

– Мы не знаем, как их убить, но это не значит, что они неуязвимы.

– Лурия Арэлл...

– Нет! Стой там, где стоишь! – она замахала на верного телохранителя, попытавшегося приблизиться. – Не подходи. Это солнце... оно так сверкает!

– Сегодня нет солнца. На небе тучи.

Смотреть на него было по-прежнему больно, но девушка подняла голову, прищурилась.

– Почему же я вижу все... *так* ... – она обвела пальцем в воздухе сверкающий силуэт Гая.

– Как вы себя чувствуете? – тревога, скрытая под ненавязчивой заботой, могла кого угодно довести до безумия, но пришлось сдержаться.

– Ты тоже считаешь меня сумасшедшей?

Он отрицательно покачал головой, улыбнулся. И тут же замер, лицо стало непроницаемым, глаза – пустыми.

Послышались шаги, и через несколько мгновений перед Арэлл предстал Клавдий. Чисто выбритый, довольный, благоухающий, с огромной связкой свежесрезанных цветов. Темно-бордовых, почти черных роз. Вокруг них тоже сверкал белый ореол.

– Арэлл, дорогая... – лудий окинул взглядом комнату, оценил размеры беспорядка. Приподнял идеально изогнутую бровь. – Надеюсь, тебя не расстроила эта неприятность с Высшим?

– Расстроила, – упрямо возразила девушка. – Но я не хочу говорить об этом.

– Вот и хорошо. Меня радует твое благоразумие. Возьми цветы. Они прекрасны, так же как и ты.

– Нет! – невеста с отвращением отвела его руку с букетом в сторону.

– И это тебе не нравится? – искренне удивился Клавдий.

Он хотел сделать ей приятное. Порадовать и выразить свою благосклонность. Нужно было подыграть ему, показать восхищение. Но у Арэлл, в отличие от сына императора, сил на притворство, похоже, никогда не находилось. Непростительно опасная особенность.

– Я не хочу эти цветы! – воскликнула девушка. – У них цвет крови! Посмотри сам!! Неужели ты не видишь, что они выглядят так, будто выросли из грязной крови! Это... отвра-

¹¹ Кратер – большой сосуд, в котором вино разводили с водой.

тительно! Я не хочу *таких* цветов! Я не хочу *такой* любви!! Мутной, грязной, унижительной! Не хочу!

Несколько мгновений Клавдий внимательно разглядывал нее. Молча, с любопытством. Потом медленно положил розы на скамью, повернулся и вышел, унося вместе с собой часть невыносимого сияния.

Арэлл подняла опрокинутый стул, села, прикрыла ладонями воспаленные глаза.

– Ты, по-прежнему, не считаешь меня сумасшедшей?

– Нет. Но...

– Несдержанной?

– Да.

Она улыбнулась такой искренности. Не открывая глаз, подобрала подол хитона, поставив ступни на край сидения, подтянула колени к груди. Поза, больше подходящая девчонке из нижнего города, чем благородной невесте сына императора.

– Я не хочу сдерживаться. Я устала сдерживаться.

– Лурия Арэлл, сегодня вечером меня не будет с вами.

Она посмотрела на телохранителя. Солнечный блеск померк, теперь его кираса стала тусклой, лицо под шлемом белело размытым пятном.

– Лурий Клавдий сказал, что этот вечер вы проведете с лурией Лоллой и ее людьми.

– Почему меня не спросили, хочу ли я проводить время с Лоллой?!

Вопрос не требовал ответа. Никого не интересовали ее желания.

Лурия Лолла – сестра Клавдия, будущая золовка Арэлл, едва переступила порог совершеннолетия. Невеста наследника знала, что не так давно той исполнилось семнадцать. Но, глядя на эту пышную девушку, ей хотелось дать все двадцать пять.

Большую часть времени бедняжка маялась от безделья и скуки. Когда элланку привезли во дворец, будущая родственница восприняла ее появление, как подарок богов. Новая игрушка. Тем более чужестранка. С ней можно сплетничать до самозабвения, хвастаться своими нарядами, подарками от любящего брата, немного третировать, учить местным обычаям.

Но, как выяснилось, Арэлл оказалась не завистлива. А какой смысл перетряхивать свой роскошный гардероб перед человеком, который вежливо улыбается, едва ли не зевая от скуки, и не проявляет ни малейшего признака недовольства тем, что у него нет такого же хитона или фибулы. Красивые наряды, поклонники и вкусная еда не волновали элланку. Сплетничать с ней тоже было не интересно. Бывало, что она часами сидела, напряженно хмурия брови. «Каменная статуя, – решила Лолла. – Столб в хитоне. Зануда, лишённая женской привлекательности». Но иногда с ней можно было провести часок, другой. Развлекая саму себя рассказами о дворцовых приличиях, и наблюдая за реакцией Арэлл.

На сегодняшний вечер лурия Лолла придумала очаровательное развлечение. Поход к гадалке, живущей на самой окраине среднего города. Там, где он почти примыкал к Претикапию, недалеко от Каракалтского храма.

Это было вдвойне, нет, втройне интереснее, чем что угодно другое. Во-первых, можно удивить элланку необычным времяпрепровождением – там, у себя в глуши, она вряд ли когда-нибудь видела что-либо настолько же оригинальное и значимое. Во-вторых, было ужасно любопытно узнать, что предскажет ведьма. И, наконец, – выход за территорию Претикапия сестре наследника был строго запрещен. Поэтому развлечение становилось еще и немного опасным. Все удовольствия в одном!

Однако, элланка так не считала. Она была резко против этого похода. И Лолла уже начала чувствовать легкое раздражение.

– Дорогая моя, – произнесла она в очередной раз, голосом женщины которая-много-повидала. – Ты просто не понимаешь.

Арэлл сидела с вышиванием у высокого окна, за которым на самом горизонте дрожал красный диск солнца. Смотрела на нее и думала: «Забавно. А ведь, должно быть, еще совсем недавно сестра лудия лазила на забор за кизилом и бегала с поцарапанными локтями... Впрочем, это у нас кизил и ссадины на локтях, беготня с мальчишками и купание в шторм. У них – дворцовый этикет, поклоны, учитель риторики, одежда, расшитая золотом, куафер, ювелир, и обучение лицемерию...» Арэлл тоскливо обвела взглядом роскошную, разукрашенную палату.

– Так вот, дорогая моя, – повторила Лолла, внимательно рассматривая свои безупречные ногти. – Я бы на твоём месте сходила к этой гадалке. Она берет дорого, но никогда не обманывает.

– Я не хочу гадалки.

Арэлл резко воткнула иголку в вышивание, и туго натянутая ткань скрипнула.

– Глупости, – Лолла взяла щепотку золотого порошка, и стала сыпать его на ноготь большого пальца. – Ты должна. Это прилично. Все ходят к колдунам. Так принято.

– Пустая трата времени.

Ее будущая невестка фыркнула и просыпала золотую пыль себе на хитон.

– Разве ты не хочешь узнать свое будущее?

– Не хочу.

...Или все-таки это неправда? Может быть, она кривит душой, когда говорит «нет»? А на самом деле мечтает узнать о себе и своей жизни что-то новое.

– Пойдем, – заговорщицки прошептала Лолла. – Говорят, у нее настоящее демоническое зрение.

– Ненавижу! – раздраженно сказала Арэлл, мстительно втыкая иглу в беззащитный лепесток цветка. – Ненавижу все демоническое!

– Ты только никому не говори об этом, ладно? – Лолла мило улыбнулась, показав белые острые зубки, и соскользнула со своего удобного ложа. – Идем, ходим. Это займет всего пару часов твоего драгоценного времени.

Она повелительно махнула рукой, и Арэлл была вынуждена отложить вышивку.

Для похода к колдунье была выбрана темная одежда. Пепельные хитоны, черные плащи, украшения из гематита. Лолла убирала под капюшон длинные высветленные волосы, приплясывая на месте от нетерпения, и болтала какую-то чепуху. Арэлл рассеянно слушала ее.

– Мой драгоценный брат очень обеспокоен твоим здоровьем. Ты мрачна, бледна и встревожена. Он бы хотел видеть свою невесту веселой и счастливой. Ты же счастлива выйти за него?

Арэлл машинально улыбнулась. «Да-да, счастлива! Еще как! Лучше бы вам всем оставить меня в покое, тогда счастье могло бы стать полным!»

Из нижнего города долетел гулкий, тягучий звук. Как будто ударили в колокол.

– Что это?

Лолла равнодушно пожала плечами.

– Мало ли что. Ну, ты готова? Идем?

Арэлл опустила капюшон на лицо и последовала за невесткой.

Та нервничала, но это было приятное волнение. Предвкушение чего-то загадочного, немного опасного, но, несомненно, захватывающего. С собой она взяла только одну рабыню, хотя обычно никуда не выходила без охраны.

Мраморная лестница спускалась в сад. Там, среди вечнозеленых экзотических растений, в черной воде пруда лежала круглая желтая луна, похожая на медный, начищенный поднос. Под ногами зашуршала мелкая галька. Один камешек тут же закатился в открытую сандалию Арэлл, она остановилась, приподняла длинный подол гиматия, и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Вскинула голову. В темных зарослях вдоль дорожки, сквозь густую сеть гибких

ветвей, светились желтые узкие глаза. Они смотрели на девушку внимательно, не мигая. Арэлл почувствовала, как колючий холод побежал по коже ее спины.

– Кто здесь? – прошептала она, не ожидая, впрочем, ответа.

И тут же на нее налетела надушенная, шелестящая одеждами тень, схватила за руку и зашипела рассерженным голосом Лоллы.

– Пошли! Пошли быстро! Не останавливайся.

– Кто это был?

– Не наше дело! – холодная рука будущей золовки сжимала ее запястье и тащила за собой по тропинке.

– Очень мило! – съязвила Арэлл, оглядываясь через плечо на кусты. – По саду бродит неизвестно кто, и это не наше дело?

В ответ слышалось только сердитое сопение, мелодичное позвякивание браслетов и, наконец:

– Сегодня полнолуние. И я бы на твоём месте не стала особенно внимательно смотреть в темноту. Мало ли что там можно увидеть.

– Демонов, например?

– Может быть.

– А ты не боишься?

– Нас они не тронут.

– Ты уверена?

– Мы члены правящей династии. Они узнают нас. – Лолла повернулась к Арэлл и постучала указательным пальцем по своему хорошенькому носику. – По запаху.

Арэлл снова передернуло.

– По запаху?

– Ну да, – лурья Лолла как будто не заметила отвращения в ее голосе. – Помнишь, у тебя забирали повязку? Теперь ты в нашей семье. И они будут отличать твой запах от запаха простых людей. Они запомнили тебя, и не тронут.

– А что будет с остальными, «простыми», людьми?

Лолла снова пожала плечами, продолжая тащить Арэлл за собой.

– Ты задаешь такие странные вопросы, дорогая... Ну, вот, почти пришли. Хорошо, что нам не надо спускаться в Нижний город. Там отвратительно.

Тропинка еще раз вильнула и вывела спутниц к низкому зданию. Ряд колонн, увитых диким виноградом, поддерживал остроконечную крышу. Пройдя между ними, девушки оказались в самой глухой части сада. Отсюда можно было незамеченными выбраться за территорию дворца в Средний город. Лолла провела спутниц через низенькую калитку в стене, и все трое быстро пересекли широкую площадь перед Каракалтским храмом. Дом гадалки оказался третьим на узкой улочке, круто уходящей вниз с холма, к небогатым кварталам.

– Жди здесь, – приказала Лолла рабыне, торопливо постучала в дверь, прислушалась и кивнула Арэлл. – Идем.

Та оглянулась на остающуюся снаружи девушку, которая робко жалась к стене и тревожно озиралась по сторонам. Из-под темной накидки блестели ее перепуганные глаза.

– Она боится, – шепнула Арэлл невестке.

– Она всегда боится, – рассеянно отозвалась та и потянула на себя тяжелую дверь.

– Возьми ее с собой, – Арэлл схватила Лоллу за руку. – Не оставляй здесь.

– Ты дождешься, что мы все трое останемся за дверью! – злобно фыркнула дочь императора. – Думаешь, я не боюсь?! Думаешь, я в восторге от этих чертовых придворных ритуалов?! За мной тоже следят и требуют их выполнения. Идем же!

Внутри дома было полутемно. Мрачный красный свет едва освещал просторную комнату, стены и пол которой были выложены черным камнем. В центре стояла огромная кровать. Больше Арэлл не удалось разглядеть ничего.

– Это она, – Лолла толкнула девушку в бок и благоговейно зашептала. – Говорят, когда она спит на левом боку, то видит прошлое, на правом – будущее, а на спине – настоящее.

Это было бы очень смешно, если бы не черные давящие стены с красными отблесками, светильники в форме змей и низкий голос, прозвучавший, действительно, с кровати.

– Подойди ближе.

Ведьма ободряюще кивнула и указала взглядом на ложе.

Арэлл, пересиливая себя, сделала несколько шагов вперед. Она ожидала увидеть старую страшную каргу, но колдунья оказалась молодой женщиной, даже красивой. У девушки знакомо заныл висок.

Она не удивилась. Эта боль была привычной. С детства. С того самого дня, когда она, шестилетняя малышка, убежала от няньки, пробралась по галерее в самый большой зал дворца, где часто проводил целые дни отец. И выскочила на середину комнаты, смеясь от удовольствия и собственной смелости.

Отец был не один, и он не обрадовался. Его лицо стало откровенно испуганным. А гость его – высокий господин в черных необычных одеждах, с красивым, переливающимся рубиновым поясом, наоборот, расцвел широкой улыбкой.

– Какая прелесть, – он быстро подошел к застывшей от неожиданности Арэлл, взял подмышки и поднял до уровня своего лица. – Сколько тебе лет, малышка?

– Ей пять, – быстро ответил отец, и добавил. – Всего пять.

– Ты вырастешь красавицей, – гость продолжал рассматривать ее, держа на вытянутых руках, словно щенка или ягненка. – Светлые глаза, золотые волосы... Надо будет подыскать ей хорошего мужа.

– Ей всего пять лет, – повторил отец, хмуря брови.

– Человеческая жизнь очень короткая, – черный господин снова улыбнулся.

И тут у нее заболела голова. Как будто в висок воткнулась колючка, и чем дольше Арэлл смотрела в глаза незнакомца, тем сильнее становилась эта боль. Девочка взвизгнула и попыталась вырваться, но ее отпустили не сразу.

Едва почувствовав пол под ногами, она бросилась к отцу, тот подхватил ее на руки, прижал к себе. Но Арэлл чувствовала, что он не может защитить от опасного гостя.

– Красивые женщины – моя слабость, – сказал тот, ущипнул девочку за щеку и вышел, не прощаясь.

Арэлл почему-то заплакала. Не от боли или страха – от обиды. Она сама не понимала, что ее огорчило – высокомерие «черного», то, как он обращался с ней, или ощущение собственной беспомощности.

Этим же вечером отец рассказал ей про демонов. О том, что они правят миром, о том, какие они бывают и чего хотят, об их жестокости и силе. Им принадлежало все. Они вмешивались в жизнь людей, распоряжались ею и отнимали, если хотели. Высшие интересовались политикой, любили роскошь и развлечения. Низшим нравились удовольствия попроще.

До пятнадцати лет Арэлл больше не встречалась ни с теми, ни с другими. А в тот день, когда ей исполнилось пятнадцать, ей уложили волосы в сложную прическу, впервые нарумянили щеки и вывели в главный зал. Там сидел тот же самый гость (он ничуть не изменился), что испугал ее в детстве. Высший демон.

Он поднялся с высокой скамьи, учтиво поклонился, сверкнул алым поясом. Арэлл стояла неподвижно, глядя на его человеческое лицо.

– Ты выросла. – Гость взял ее руку, поднес к губам, поцеловал. – Стала очень красивой. Это хорошо. Мы с твоим отцом думаем, как выгоднее продать твою красоту.

– Я не хочу, чтобы меня продавали, – чуть слышно ответила девушка. От горячих пальцев демона, все еще держащего ее ладонь, вверх по запястью текла неприятная тяжесть. Покалывание, озноб.

– Деточка! – он рассмеялся. – Ты же не знаешь, *за сколько* тебя хотят купить. И кто.

– Мне все равно.

– Ты молода и глупа! – демон оттолкнул ее, и Арэлл с размаху села на скамейку. – Но со временем это пройдет. Я надеюсь...

Ее продали очень выгодно. Сыну императора Рэйма в качестве приложения к мирному договору. Или наоборот – договор о мире и развитии торговли прилагался к ней. Это было нужно Эллиде. А также Друзлту – Хозяину страны, где родилась Арэлл...

Теперь она стояла у ложа ведьмы-демоницы и смотрела в ее глаза, отсвечивающие красным. Темноволосая женщина в хитоне из полупрозрачной флеровой ткани ¹², возлежала на бордовых шелковых подушках.

– Хочешь узнать свое будущее? – спросила она, улыбаясь.

– Да.

– Ближнее, дальнее? Хочешь знать, что случится с тобой этой ночью? – она приподнялась, ее локоть надавил на мягкую подушку, черные бусы на шее сверкнули.

– Дальнее.

Арэлл стало любопытно, что будет делать ведьма – ляжет спать, повернувшись на правый бок, или достанет из-под кровати магический кристалл, чтобы заглянуть в него.

– Мне не нужно куда-то смотреть. Твоя судьба написана у тебя вот здесь.

Демоница протянула руку и больно ткнула Арэлл пальцем в лоб.

– Ранняя смерть. Мучительная ранняя смерть, – добавила она, подумав. – Но, если хочешь, я могу подправить твою судьбу. Это будет стоить тысячу сестерциев. А-а, ты, кажется, не веришь мне? Подойди ближе.

Ведьма заставила Арэлл опуститься на колени возле кровати, надавила ладонью на затылок и приблизила к себе ее лицо.

– Одиночество, пустота, смерть. У тебя не будет мужа, не будет детей, и не будет дома.

Это была правда. На какое-то мгновение элланка почувствовала эту самую пустоту. Вокруг себя и в себе самой.

– Я знаю, – шепнула Арэлл.

– Знаешь? – удивилась ведьма. – А знаешь ли ты, что сама лишила себя своей судьбы?

– Да.

– Мне жаль тебя, смертная. У тебя не будет никаких человеческих радостей. Ты одержима. Я могла бы помочь тебе, но ведь ты не хочешь этого?

– Нет.

– Тогда уходи. Тебе нечего здесь делать... Ну? Чего ты ждешь?

– Покажи мне твой подлинный образ.

Ведьма рассмеялась неожиданно мягким, обворожительным, грудным смехом.

– Ну, смотри.

Красивое лицо потекло, смываясь, под ним проявилась хищная морда с длинными клыками, торчащими из красной пасти, и широким, часто подергивающимся носом.

Арэлл смотрела на демона, долго, не отрывая взгляда, целую вечность. И чувствовала, как новый отвратительный образ заползает в ее память. Она должна была запомнить его тоже.

¹² Флеровая ткань – прозрачная ткань, практически не скрывающая тело, пользовалась дурной славой среди порядочных горожан, поскольку была очень любима демонами, которые с удовольствием носили ее сами, принимая человеческое обличье, а также приказывали одевать людям, призванным увеселять и развлекать их.

Как запоминала их всех... Нет, не для того, чтобы ненавидеть. Ненависть лишает сил. Нужно просто помнить, какие они на самом деле.

– Ты одержима, – повторила ведьма. В красной пасти мелькнул длинный узкий язык. – Но мне нравится твоя ненависть.

Арэлл изумленно смотрела в красные глаза.

– Она... правильная. Но она погубит тебя.

Из дома демоницы Арэлл выбежала первой. Лолла неслась за ней по пятам.

– Ну, что? Что она тебе сказала?!

– Ты разве ничего не слышала?

– Нет. Ее слышит только спрашивающий... И где эта идиотка Гермия? Я же приказала ей ждать здесь.

Лолла остановилась, уткнула руки в боки, поворачиваясь в разные стороны. И тут же стала похожа на базарную торговку. Арэлл схватила ее за край гиматия и потащила за собой.

– Идем. Быстро! Я хочу уйти отсюда!

– Да-да, идем... Ну где же эта дрянь?! Если сбежала домой, я сама ее выпорю!

Всю дорогу до дворца Лолла ругала нерадивую рабыню.

Глава 5, *в которой неприятности, как я и предполагал, не заставляют себя ждать, а Энджи вербует в нашу команду новых членов*

Внутри город был белым.

Я невольно содрогнулся, увидев вокруг слепящий глаза песчаник, а выше по холму статуи и мрамор портиков. С некоторых пор я не доверял белым городам. Не слишком светлые воспоминания связаны у меня с этим цветом. Впрочем, Энджи, кажется, тоже поежился. Совсем человечески передернул плечами и нахмурился. Зато Атэр был в восторге. Он весело насвистывал, оглядывался по сторонам и рвался наверх, где среди буйной зелени белели крыши богатых домов.

Ну вот, наконец, что-то, радующее глаз. Замызганный крестьянин лениво ковырял землю мотыгой, прочищая канаву.

– Эй, любезный! – крикнул я. – Где тут есть приличный постоялый двор?

Человек оперся о рукоять мотыги, прищурившись рассмотрел нас и сплюнул мне под ноги. Значит, не раб. Свободный гражданин, ценящий свое время и достоинство.

– А вы кто такие?

– Мы из Нитополиса, – смело влез в разговор Атэр. – Идем наниматься на службу к прекрасной лурии – прибывшей из благодатной Эллиды невесте сына правителя славного Рэйма и его провинций, да принесут они каждому свободному гражданину великого Рэйма почет и процветание.

– А-а, – с лица крестьянина исчезла возникшая, было, подозрительность. – Хорошее дело. В гвардию императора всех берут. Даже таких черномазых, – он кивнул на меня.

Атэр сдавленно хихикнул, а я загнал глубоко внутрь себя демоническую гордость. Несколько сотен лет в обществе ангела кого угодно научат терпению.

– У меня там сын служит, – продолжал разглагольствовать крестьянин. – Не в охране, конечно. Простых туда не берут. В казармах армии, на кухне кашеварит, но ему неплохо перепадает. И домой, бывает, отпускают, кое-что приносит... А на постоялый двор не ходите, дерут там втридорога. И пошаливают. Хотите – можете у меня остановиться.

Я мельком взглянул на Энджи – не его ли рук дело это неожиданное гостеприимство. Но ангел не колдовал, просто стоял и задумчиво смотрел на человека ясными глубокими глазами.

Как я уже говорил, за время наших странствий, четырнадцатилетний мальчишка-ангелок – человеческий образ Энджи – значительно подрос. Теперь это был молодой человек двадцати трех лет. Молчаливый, загадочный, излучающий ангельское спокойствие, и волю. Плакать он, кажется, разучился, да и улыбался не часто. Я видел, знал, чувствовал, что его терзают какие-то сложные проблемы, непонятные мне, демону. Но помочь не мог. Не умел. Не знал, как.

– Ну, так что? – переступил с ноги на ногу человек.

– Сколько? – спросил я многозначительно.

Крестьянин в затруднении пошевелил пальцами.

– Ну... договоримся. Не больше одного дупондия ¹³.

– Ладно, согласны. Куда идти?

На протяжении всего разговора Атэр дергал меня за руку, толкал и делал умоляющие глаза. Его неудержимо притягивал верхний город, фонтаны и статуи. Он не хотел жить в бедной лачуге. Но я был неумолим. Мальчишке пришлось смириться.

¹³ Дупондий – ходовая монета (1 дупондий = 2 асса).

Он недовольно скривился при виде земляного пола, кривоватых стен и вытертых циновок. Это радует. Явный прогресс в демоническом воспитании – стремление к роскоши и отвращение к бедности. В этом направлении будем работать в дальнейшем. А пока неплохо поужинать.

На ужин нам выдали по куску хлеба с овечьим сыром и по кружке молока. Неприхотливый Энджи быстро сжевал свою порцию и принялся рассматривать убогое убранство дома. Атэр брезгливо надувал губы, но не уворачивался, когда хозяйка – дородная женщина в линялом хитоне – изредка гладила его по голове.

– Вот и у нас такой же был, – приговаривала она, украдкой подсовывая мальчишке куски хлеба помягче. – Такой же кудрявый, ясноглазый.

– Где же он? – отрывисто спросил Энджи, рассматривая какую-то грубую фигурку, стоящую у очага.

– Не уберегли, – вздохнула женщина, и больше ничего не сказала.

Ангел тоже не стал расспрашивать. Он явно проявлял повышенное внимание к каменной узкой печи, на краю длинного устья которой заботливая хозяйка подогрела еще одну кружку молока для Атэра. Энджи встал из-за стола, подошел ближе к печке. Ага, понятно, ему не давала покоя глиняная фигурка.

– Что это? – ангел протянул руку, потрогал темную глину, а потом перевел взгляд на свои пальцы, испачканные красным. Я заинтересованно присмотрелся. Темно-бордовая фигурка изображала... демона. Да, пожалуй, демона. Раскосые глаза, широкий рот с клыками, тумбообразные ноги, круглый живот. Энджи поднес пальцы с красными пятнами к носу, нахмурился.

– Это кровь, – сказал он тихо.

– Кровь, – радостно подтвердил крестьянин. – Только сегодня утром обряд проводили. Все, как положено. Голубя зарезали и...

Энджи, не дослушав, прижал чистую ладонь к губам и выскочил из дома. Я помедлил немного, потом швырнул на стол недоеденный кусок хлеба с сыром и бросился за ним.

Ангела я нашел в саду. Тот стоял, прислонившись лбом к серому стволу оливы. Его трясло, и он никак не мог справиться с собой.

– Энджи, возьми себя в руки.

– Они поклоняются демонам... Они им *поклоняются*, – шептал он, нервно вытирая красную от крови руку о древесную кору. – Приносят жертвы... Кровавые жертвоприношения.

– Энджи, пять тысяч лет прошло. Мир изменился.

– Мир не мог измениться настолько! Я не верю!! Демоны! Кровь! Убийство! Никто даже не вспоминает об ангелах! Где они?!

– Тебе лучше знать.

Он резко обернулся. На щеках два ярких пятна, на лбу – отпечаток шершавого ствола и прилипший кусочек коры...

– Я не слышу их. Или они не слышат меня. Или... они ушли.

Я глубоко вздохнул, стряхнул чешуйку коры с его лба. Не первый это у нас разговор об ангелах. И не последний.

– Слушай, я тоже демон. Тебя это не смущает?

Энджи улыбнулся, отпустил дерево, которое так страстно обнимал.

– Ты будешь смеяться, но я не могу считать тебя настоящим демоном.

Ну, и на что он намекает...? Я, конечно, знаю, что оборотней, подобных мне, умеющих принимать любые личины (не только волков, как вервульфы, или летучих мышей, как бруджо) – относят к совершенно особому разряду существ, среди которых есть такие, кто имеет смешанную природу. Но это вовсе не значит, что я не чистый демон.

– Интересно, кто же я, по-твоему?

– Не знаю.

– А я знаю! Идиот, который связался с тобой и ненормальным Хозяином, захотевшим мирового могущества. Давно надо было бросить вас обоих, вернуться в мою, прекрасную между прочим, демонскую семью, и...

Ангел взял меня за плечи и слегка встряхнул. Словно это он пришел успокаивать, а не наоборот.

– Ты не можешь нас бросить, Гэл. Ты наш друг. Ты скучаешь по Буллферу. Хочешь его вернуть... Впрочем, как и я.

– Ага! – я многозначительно поднял палец вверх. – Скучаем, значит, по Буллферу, ваша светлость?.. По рыжему, бешеному, темпераментному Буллферу? Тогда что ты морочишь мне голову?! Свет! Совершенство! Восхождение! Энджи, не валяй дурака! Помоги мне сделать его демоном снова!

– Не могу, Гэл. – Ангел сел на землю у дерева, сорвал травинку, сунул ее в рот. – Он сам выбрал свой путь. Не случайно я оказался рядом. И ты тоже. Да, я скучаю по рыжему, бешеному Буллферу, – он усмехнулся, перебросил травину из одного уголка губ в другой. – Но я буду делать то, что должен. Вести его к совершенству, которого он желал, сам того не подозревая. Не сердись.

– Не сержусь, – я сел рядом, вытащил свою зубочистку. – Жаль, конечно, что из-за непредусмотрительности Хозяина, ты теперь вечно будешь тащить его туда, куда он вовсе не собирался. Но это вы с ним потом сами разберетесь. А расскажи мне лучше, как он коварно перехитрил тебя тогда, в *нашем* времени...

Энджи наклонил голову, прищурился на заходящее солнце.

– Я ведь тебе уже сто раз рассказывал.

– Расскажи еще.

– Ну, хорошо... Я летел по срединным землям, принадлежащим Буллферу. Ты, конечно, помнишь, библиотека в Южной империи считалась лучшей в человеческом мире. Я узнал, что в ней хранится одна редчайшая магическая книга, которую я очень хотел прочитать и искал по срединному миру уже давно. Я добрался до Данкара, действительно, нашел книгу, сделал мысленный «слепок» текста. И когда возвращался назад, Архэл должна была «забрать» меня, потому что сам я не мог открыть телепорт такой мощности. Мы договорились встретиться в трактире одного из небольших городков, где уже встречались однажды, и где силовые линии были достаточно плотными и доступны ангелам по энергетике – это необходимо, чтобы открыть канал. Но...

– Ты заблудился! – подсказал я.

– Да. И очень устал. Промок под дождем, немного замерз, а тут еще поднялся туман, который становился все гуще, – и я потерял дорогу. Прошло довольно много времени когда я, на свое счастье, вышел к какой-то деревянной, явно человеческой, невысокой постройке. Я надеялся, что смогу расспросить людей, куда двигаться дальше, но вдруг понял, что их здесь нет. Посреди чистого поля стояла конюшня. Приоткрыв дверь, я заглянул внутрь.

– Ну и... – подбодрил я, хотя ангел вряд ли нуждался в этом. Прошло то время, когда ваш покорный слуга именно в этот момент начинал саркастически хмыкать и отпускать замечания, что только наивный ангелок не мог заметить в этом странном совпадении ловушку, что будь я на его месте – ни за что бы не зашел туда. Теперь я просто слушал. Энджи сделал паузу, и началась моя любимая часть истории.

– Кони, которых я увидел, потрясли мое воображение. Они стояли в ряд и были похожи на какие-то странные символы. Из тех, что оставляет в срединном мире само Время.

– Начитался книжек... маг природный... – Эх, все-таки не удержался.

– ...Длинногривые, тонконогие, все с лоснящейся, бархатной, шерстью. Один – вороной – черный, как ночь. Другой – белоснежный, словно пар над рекой ранним утром. Третий – гнедой, с золотыми, как солнечные лучи, гривой и хвостом. А четвертый... – медный.

– Да! Великолепный рыжий жеребец! – снова влез я в повествование.

Энджи быстро глянул в мою сторону, но поучать не стал. Что там, ваша светлость, о правилах вежливости можно забыть, раз дело подходит к такому важному моменту.

– Я подошел к нему, хотел погладить по морде. А он вдруг...

– ...Перевоплотился!!

– Мгновенно. Хлоп, и меня хватает огромный, рыжий, улыбающийся демон, со словами...

– «Поймал птичку», – закончил я довольно.

– Ну, да. Именно так он и сказал.

Мы замолчали. Каждый вспоминал своего Буллфера. Я – грозного Хозяина, Верховного Правителя, Энджи – неистощимого на выдумки необычного рыжего демона...

– Мир изменился, – прошептал вдруг ангел горько. – А мы – нет. Мир так изменился...

Да уж, с этим сложно спорить...

Однажды. Давно. Во время второй прошлой жизни Атэра (сразу после той, в которой он освободил Энджи из гробницы-пирамиды Белого Города, и мы впервые познакомились с этим нелепым воплощением моего могущественного Господина). Мы с ангелом остановились в придорожной гостинице. Довольно приличной, в ней была даже книжная лавка.

Хозяин этого заведения, гордясь своей просвещенностью, повесил на стенах картинок из книг, литографий и офортов. Проснувшись утром у себя в комнате, я добрался полуошупью до умывального таза, плеснул воды в физиономию, и, когда проморгался, увидел карту, висящую здесь вместо ковра... Я заорал так, что из соседнего «номера» прибежал перепуганный Энджи с мокрыми волосами и в одной сандали.

– Гэл?! Что случилось?

Ангел проследил направление, куда указывал мой трясущийся палец, и обернулся. Он не вздрогнул, не вскрикнул. Даже, похоже, не удивился.

– Пять тысяч лет, Гэл.

Я бросился к карте, ладонью провел по измененным линиям материков.

– Этого не может быть! Этого просто не может быть!

Если верить рисунку, часть земель, раньше принадлежавших Буллферу, ушла под воду... У меня почему-то закружилась голова, а в ушах зазвучал плеск волн.

– Гэл, успокойся, – прозвучал над моим ухом сам не очень-то и спокойный голос Энджи. – Просто очертания материков слегка изменились. Но это же срединный мир. У вас, в демонском, все осталось по-прежнему.

– Не надо! Ты прекрасно знаешь, демонический мир связан с человеческим. Если здесь все так, представляю, что стало там... А, ну и ладно. Надеюсь, эту негодяйку затопило. Залило лавой и завалило камнями. Получилась великолепная могила пару тысяч миль в диаметре...

При упоминании об «этой негодяйке» Энджи крепко сжал губы, и глаза его потемнели. Я понимаю, он, конечно, не мог простить Хул – бывшую любовницу Буллфера, добывшую страшное оружие – Рубин Карашэхра и победившую в поединке моего Хозяина. Из-за нее ангел пять тысяч лет проспал, погребенный в храме Белого города. Энджи не умел ненавидеть, но, ручаюсь, никаких приятных воспоминаний после общения с Хул у него не осталось.

– Ладно! Забыли! – я стукнул кулаком по стене и отвернулся. – Мы с Буллфером найдем себе новое царство... А вообще, эта карта может быть старой...

Но карта была новой. Мир, действительно, изменился.

С каждой новой жизнью менялся Атэр (у меня, по-прежнему, не поворачивался язык называть этого человека именем своего грозного Хозяина). И – Энджи не прав – мы тоже менялись. Я оттачивал свои способности к оборотничеству и с помощью ангела постигал основы

высшей магии. Мой светлый партнер тоже эволюционировал по-своему, хотя мне были не совсем понятны его внутренние изменения...

– Гэл, очнись, – Энджи потрепал меня по плечу. – Пойдем. Атэр будет беспокоиться.

Я кивнул, поднялся, отряхнулся от мусора, налипшего на гиматий.

– Идем. Ты как, в порядке?

Ангел украдкой взглянул на свою ладонь со следами жертвенной крови, поморщился, но сказал твердо:

– В порядке.

Мы вернулись в дом. Подросток – сытый и довольный – болтал какой-то юношеский вздор, хозяйева смотрели на него со странной печалью на лицах.

– Хватит трепаться, – сказал я строго. – Пора спать. Завтра у нас много дел.

Атэр на удивление легко согласился. Без пререканий завернулся в плащ, устроился у очага и через несколько минут сонно засопел. Как бы мальчишка не выпендривался, он был не избалован и неприхотлив. Спал, где положат, и ел, что дадут.

Хозяйева ушли на свою половину. Пошептались там немного и тоже затихли. Все же как-то слишком легко пустили в этот дом двух подозрительных незнакомцев. Впрочем, Энджи умеет вызывать доверие у людей, злых собак и детей. Так что в житье с ангелом есть свои преимущества.

Мы с ним посидели еще немного, безо всякого удовольствия выпили кислого вина, предложенного крестьянином. И тоже засобирались укладываться. Ночь была тихой. Даже звонкий треск цикад в саду казался приглушенным. Пару раз тоскливо замяукала одинокая сова. И кто-то тихо шуршал за стеной. Змеи, что ли, а может мыши.

Энджи лежал тихо, дышал почти беззвучно. Спал, или думал о чем. Не поймешь. Я точно не спал. Мне мешал назойливый шорох, а еще от глиняного идола, стоящего в углу, тянуло явственной силой. Вот он – дармовой источник. Принося жертву, люди, сами того не зная, выпускали энергию, которой мог подпитаться любой демон. Я, например.

Вообще, мне было неплохо в этом мире, где все забыли об ангелах. Демоны свободно расхаживали по земле. Им поклонялись, их боялись, уважали. Я мог хоть купаться в энергии, и копить магический потенциал. Но, как ни глупо звучит – это был *не мой* мир. Может быть потому, что я не чувствовал себя до конца свободным? На мне, по-прежнему, висели два обещания. Одно – данное в незапамятные времена Буллферу – позаботиться об Энджи. Второе (данное самому себе) – сделать из никчемного человека Атэра достойного Высшего демона.

А с другой стороны, не было бы этих целей, и что?! Болтался б я без дела. Ел, спал, и развлекался. Или служил новому Хозяину наравне с остальными серыми бездарностями. Скучно, глупо, бессмысленно... бесконечно. Надо будет спросить утром у Энджи, что он думает о смысле своего существования.

Я повернулся на бок, захватил, сколько мог, силы, струящейся он красного идола, и закрыл глаза. Все. Спать.

Но отдохнуть, как я и предполагал, не удалось. Издалека послышался гул, потом резкий звенящий удар. Во дворе завyla собака, жалобно заблеяли овцы.

Проснулся Энджи. Подскочил, просыпаясь, Атэр. Из соседней комнаты выскочили полуодетые хозяйева.

– Вот, гости дорогие, – забубнил крестьянин, прижимая к груди что-то, завернутое в тряпку. – Прибыли с поклоном в недобрый час... Пронеси и обереги.

– Что это за бред?! – я спихнул с себя шкуру барана, которой укрывался. – Кого пронеси?

– Демоны, – прошептал Энджи. – Я чувствую.

– Их милости пожаловали, – согласно кивнул хозяин. – От горячего огонька к доброму столу... Давай жена, чего стоишь!

Женщина всхлипнула, метнулась в угол, подняла циновку, открывая крышку люка, подняла ее. Под полом оказалась дыра, куда могло поместиться два-три человека.

– Лезь, давай, – приказал крестьянин, и снова залопотал какую-то чушь про дорогих гостей.

– А ты как же? – зарыдала женщина. – А ты-то?!

– Лезь, тебе говорят. А я гостей встречать должен.

– Прячьтесь оба, – велел я. – Мы сами встретим ваших «гостей». Не впервой.

Человек несколько мгновений смотрел на меня пустыми глазами, потом вдруг сунул в мою руку сверток и бросился к подполью.

– А мальчик?! – воскликнула женщина.

– А мальчик останется здесь, – властно произнес Энджи и добавил тише, уже мне. – Пусть посмотрит.

Я равнодушно пожал плечами. Атэр, блестя испуганно-любопытными глазами, забился в уголок. Хозяйка, всхлипывая: «Мальчик-то как же... мальчика жалко...», протиснулась в дыру, следом за ней нырнул более стройный муж.

– Вы уж с ними поучтивее. Если захотят овечку какую взять, так отдайте. Только сами выведите, а то они ягнят маленьких напугают... умрут ягнята...

– Выведу-выведу, – пообещал я, ногой захлопывая крышку люка. – Так выведу, что мало не покажется.

– Вы что, драться с ними собрались?! – тихо восхитился в своем углу Атэр. – Вы в своем уме? С демонами?!..

И, понаблюдав еще несколько мгновений за моим лицом, приподнялся:

– Ну, вы точно не в себе! Пустите, я пойду вниз, к тем людям.

– На, поддержи, – я швырнул ему пакет через всю комнату. – А то хозяин расстроится, если он пропадет.

– Хозяин расстроится, если он уцелеет, – парировал Атэр. – Ты что, не знаешь – это подношение демонам. Ну, там, деньги или, может, мяса копченого кусок.

– Обойдутся без подношения, – сказал Энджи, усаживаясь за стол. Я уже чувствовал, как он начинает дрожать. Но не от страха. Ангел называл состояние, в котором его тело сотрясали высокочастотные вибрации «звездным ветром». Непонятная сила начинала пульсировать в нем.

Я тоже сел рядом, так, чтобы видеть дверь. Плеснул в наши стаканы еще вина.

– Мне тоже дайте, – потребовал Атэр. – Не хочу смотреть на это трезвым.

Пришлось налить и ему. Но выпить мальчишка не успел. Входная дверь с грохотом распахнулась, пламя в светильнике эффектно качнулось, освещая демонов, стоящих на пороге.

Их было всего двое. Как я и почувствовал, из низшего разряда. Серые, наглые, ухмыляющиеся морды. Один тащил мекающую от страха овцу, другой нес на плече человеческое тело. Живое. Похоже, девичье.

– Здесь, что ли? – осведомился «животновод».

– Да, след отсюда, – подтвердил любитель человечины. – Заждались смертные.

Они вошли, не обращая внимания на нас. Вольготно. По-хозяйски.

– Так. Это – еда.

Девушку бросили на стол. Ее руки и ноги были связаны, рот заткнут тряпкой, светлые волосы в крови. Энджи даже не вздрогнул, когда ее голова стукнулась о столешницу, а взгляд круглых, выпученных от ужаса глаз, встретился с его взглядом.

– А это – развлечение. – Овца жалобно мекнула, когда ее пнули в бок когтистой лапой.

– Ты чего, дубина! Наоборот, – захохотал другой демон. – Это еда! – Испуганное животное снова шарахнулось в сторону. – А это – на столе – развлечение.

И оба загоготали, довольные своим чувством юмора.

– Эй, смотри, – «животновод» изволил, наконец, заметить Энджи. – Подойдет в масть к твоей смертной.

Он протянул руку, намереваясь схватить ангела за светлые кудри, но в когтях его осталась пустота. Мой друг уклонился с нечеловеческой ловкостью.

– Любите играть в карты, ребята? – негромко спросил я.

Две одинаковые, тупые, серые морды повернулись в мою сторону.

– Кто ваш Хозяин? У кого служите? Визит на землю разрешен?

– Чего? – просипел любитель человечины. – Чего там вякает этот смертный?

– Ты у меня сейчас сам смертным станешь, мразь! – Я поднялся, чувствуя, как начинает трещать на мне одежда, не выдерживая давления нового образа. – Протри рыло. Не видишь, с кем разговариваешь?!

У мародеров отвисли челюсти, когда они увидели перед собой один из самых эффектных моих образов Высшего демона.

– Уф... – весьма глубокомысленно изрек один из них. – Так ведь мы не знали, ваша милость. Не признали вас в человеческом.

– Закрой пасть, кретин! Последние мозги прожрали?! Какого дьявола вы здесь делаете?!

– Жертвоприношение... – заискивающе моргая глазами, сказал другой. – Сила...

Я вышел из-за стола (демоны шарахнулись в сторону, освобождая мне дорогу), взял идола и с удовольствием швырнул его в льстивую морду «животновода». – Это *вся* кровь, которая вам положена здесь. Убирайтесь!

Чистый блеф! Они должны были понять с минуты на минуту, что под великолепной внешностью Высшего демона скрывается далеко не высшая сущность.

Один из моих «родственников» подозрительно принялся. Зрачки его налились красным.

– А дозвоьте, господин, узнать ваше имя. Что-то мне... ваша личность не знакома.

– Не твое дело, кретин.

Я почувствовал, как начинает покалывать пальцы, от скрытой в них силы. Энджи незаметно для мародеров опустил руку рядом с ножом, лежащим на столе.

– Стой! – «животновод» еще раз громко втянул носом воздух. – Сдается мне, нас пытаются обдурить.

Его менее сообразительный приятель попятился к двери.

– Слушай, пошли, а? Может он и в самом деле Высший.

– А ты проверь, – любезно улыбнулся я, вытягивая из идола, валяющегося на полу, остатки силы.

Проницательный демон шагнул вперед, уставился на меня красными глазками. На его морде медленно появилось выражение злобного торжества.

– Дешевка! – заорал он, выпуская когти. – Фуфло! Снаружи он – Высший, а внутри... А вот мы сейчас посмотрим, что у него внутри.

И тут Энджи прыгнул. Великолепный это был прыжок. Ангел перелетел через стол и, прежде чем коснулся земли, из его ладоней вылетели две белые молнии. Демонов отбросило к двери, шерсть на их загривках задымилась.

Здорово. Не знал такого заклинания. Но у меня было припасено кое-что не менее действенное. Мой магический удар уложил мародеров ничком. Одного подле другого.

– Фуфло?! – я хорошенько пнул ближнего. – Такие, как я, появляются раз в тысячелетие!

– А, возможно, и реже, – задумчиво сказал Энджи, сложив вместе ладони и крепко сжав их.

Я благожелательно кивнул ему. С ангелом стало неплохо работать в паре.

– А, может, и реже!

– Простите, гошподин,– прошепелявил любитель человечины, не рискуя поднять голову.– Простите, мы не жнали. Не поняли...

– Ну что, добить их? – обратился я к своему партнеру.

Энджи поморщился, отрицательно покачал головой.

– Пусть уходят.

Нет, он безнадежен. Ангельское милосердие, никуда от него не денешься.

– Убирайтесь! Пошли вон! Мотайте отсюда, пока мы не передумали.

Я пинками поднял демонов на ноги, вытолкал взашей за дверь и оглянулся на Энджи.

– Пойду, провожу их. А то так и останутся валяться у порога.

– Не убивать, – голос ангела был строг.

– Ладно-ладно, ваша светлость. Слушаюсь.

Почти у самого крыльца светился бледный ободок телепорта.

– Проваливайте. И не вздумайте вернуться обратно. Иначе развею в дым. Это мои люди и мой жертвенник.

Я впихнул неудачников в телепорт, а потом, подумав несколько мгновений, отправил следом заклинание уничтожения. Что ж, у них есть шанс спастись, если будут двигаться быстро. А, может быть, моя маленькая месть догонит этих серых бездельников прежде, чем телепорт закроется.

Но формально я чист. Совесть ангела может быть спокойна. Я вернулся в дом, демонстративно показывая Энджи свои незапятнанные кровью ладони. Он хмуро кивнул.

Чувствуя в себе странное опустошение, я сел на прежнее место и сменил облик. Машинально выбрал свой обычный человеческий.

Энджи взял нож, разрезал веревки на руках и ногах девушки, вытащил кляп. Стащил ее со стола. Силой влил в рот вина. Девчонка вздрагивала всем телом, голова моталась, содержимое стакана текло по шее.

– Оставь, – посоветовал я устало. – Сама очухается. Они живучие, как кошки.

Ангел молча взглянул на меня исподлобья, и я предпочел заткнуться.

Девушка постепенно приходила в себя. Короткие рыдания без слез еще сильнее затрясли ее.

– Господин... господин... – лепетала она, заглядывая в лицо Энджи и целуя его ладони. – Спасибо... вы спасли меня. Вы меня спасли...

Ангел деликатно освободился из ее жадных рук. Погладил по голове.

– Усни, и все забудь.

Глаза девушки закрылись, тело расслабилось. Энджи удержал ее от нового удара головой о стол, поднял на руки и бережно опустил на топчан, покрытый шкурой, где недавно пытались уснуть мы с ним.

– Теперь она будет отдыхать.

Ангел вернулся, сел рядом со мной, машинально взял нож.

– Здорово, – сказал вдруг Атэр, до этого тихо сидевший в своем углу. – Ну, вы, ребята, даете.

Энджи стремительно повернулся к нему, лезвие ножа, который он сжимал в руке, нацелилось в грудь мальчишке.

– Тебе нравятся демоны? – спросил мой друг грозно. – Ты хочешь быть похожим на них?! Хочешь быть грязной, грубой, безмозглой тварью?!

– Эй, партнер, – произнес я лениво. – Запретный ход.

Блестящее лезвие качнулось в мою сторону.

– Значит, ты хочешь, чтобы он стал таким... Убийцей?! Получающим наслаждение от смерти. Вечность! Целая вечность только боль, кровь, насилие.

– Энджи, полегче, – я аккуратно отвел нож в сторону, но он даже не заметил этого.

– Я говорю правду. И ты знаешь, что я говорю правду! Если бы это было не так, ты бы уже давно нашел себе нового Хозяина и вернулся в свой мир...

– Я не могу вернуться в свой мир! И ты это знаешь. Меня там четвертуют за предательство!

– Гэл! Сколько тысяч лет прошло. Никто и не вспомнит о твоём предательстве!

– Ну да! Может быть, у ангелов такая короткая память! А мне припомнят все!!

– Не поэтому! Ты здесь из-за него!

Нож снова указал на мальчишку.

– Эй, эй! – Атэр протестующе замахал руками. – Успокойтесь. Я не хочу быть демоном. А если бы и хотел... то, в крайнем случае, Высшим. И, Энджи, не мог бы ты положить это?

Ангел взглянул на нож в своей руке и бросил его на стол.

– Извините, – он провел ладонями по лицу, как будто умываясь. – Извините. Кажется, я погорячился.

– Да ничего, – отозвался я добродушно. – С тех пор, как ты стал «горячиться» с тобой стало очень легко общаться. Что, ваша светлость, не боишься стать боевым ангелом?

Энджи искоса взглянул на меня. От уголков его глаз побежали смешливые морщинки, нос забавно наморщился, на щеках появились ямочки. Не совсем то, на что я рассчитывал, но все-таки лучше, чем ничего.

Атэр уселся за стол, допил вино из моего стакана, удовлетворенно кивнул сам себе и спросил:

– Кстати, кто такие боевые ангелы?

– В свое время узнаешь, – хмуро пообещал я. – Всё, спать.

Глава 6, *где мы с Атэром получаем эстетическое, физическое и моральное удовольствие. А также хорошую прибыль*

Я валялся на спине под старой виноградной лозой и наслаждался теплым утром. Тяжелая гроздь винных ягод висела прямо над головой. На вид они были очень даже ничего, хотя пробовать их не имело смысла. И так понятно, что кислятина.

Однако Атэр уплетал эту гадость с удовольствием, одновременно слушая Энджи. И выплевывал косточки, целясь в меня. Но пока не попал еще ни разу.

– Не отвлекайся, – сказал ангел строго. – Если не слушаешь ответ, зачем спрашиваешь?

– Да-да, – мальчишка вытер липкие от виноградного сока руки о траву, и устремил на него ясный взгляд честных глаз. – Так я не понял. Почему ты не боевой ангел?

– Я не могу убивать. – В голосе Энджи не было ни сожаления, ни радости – простая констатация факта.

– Не умеешь? У тебя не хватает магической силы?

– Хватает, – вмешался я. – Еще как хватает. Просто у него внутри есть мощный ограничитель – милосердие.

На лице Атэра отразилось сильнейшее умственное усилие. Покусывая нижнюю губу, он некоторое время смотрел на меня и, наконец, изрек:

– А у тебя нет этого... ограничителя?

– Естественно нет.

– Значит, ты сильнее его?

Я лениво приподнялся, окинул взглядом светлую фигуру Энджи и снова лег обратно.

– Вряд ли.

– Тогда я не понимаю. Ты такой же сильный, как он, тебя ничто не сдерживает, почему же тогда ты выполняешь его приказы?

– Какие еще приказы?

– Ну... не убивать, например.

Энджи рассмеялся и, весьма успешно подражая моим интонациям, произнес:

– Дело в том, что у него внутри есть другой мощный ограничитель – уважение к авторитетам.

Я сел, задев головой за кисть винограда.

– Ехидничаем, значит, ваша светлость?! А между прочим, Атэр, я бы на твоём месте спросил, почему эти самые хваленые милосердные ангелы ушли, бросили вас, людей, на растерзание кровожадным демонам?

Атэр послушно повернулся к Энджи, ожидая ответа. Но тот не смутился, не расстроился. Он поднялся с земли со своей неповторимой ангельской грацией и улыбнулся.

– А почему ты считаешь, Гэл, что они бросили людей?

– Что значит, почему?! – возмущенно воскликнул я.

– Пока здесь есть хотя бы один из них – люди не брошены.

С преувеличенной вежливостью, он склонил передо мной голову, повернулся, и пошел к дому. Светлый силуэт на фоне светлого дня.

– Нет, вы посмотрите на него. – Я тоже встал, обращаясь к невидимым слушателям. – Люди не брошены... Спаситель человечества! Меч в руках никогда не держал!..

Я взглянул на Атэра, ожидая поддержки, но он сидел на земле, запустив пальцы в спутанные волосы, и задумчиво смотрел вслед Энджи. И мне не понравился этот взгляд. Совсем. А тут еще из дома выбралась вчерашняя спасенная девица, увидела ангела и бросилась к нему с очередной порцией благодарностей. Энджи удержал ее от падения на колени и целовать себе руки тоже не позволил, но это не мешало девице идти за ним по пятам и бормотать всякую признательную чушь.

Кстати, как-то никогда не думал, а ведь Энджи должен пользоваться успехом у женщин. Земных, или небесных – не важно. Правда, раньше он был для этого слишком молод, но теперь есть все шансы... Только он сам этого, похоже, не знает. Вот и славно. Не буду тревожить его светлость такими пустяками. У него же есть великая цель – превращение Атэра в ангела. Так что пусть все милые глупости достанутся мне.

– Ладно, – сказал я, рассматривая ноги девушки, мелькающие в длинных разрезах ее хитона. Очень удачная у них здесь одежда. Как будто созданная для того, чтобы открывать человеческое тело, а не прикрывать его. Узнаю веяния демонической моды. Да и погода позволяет. – Надо подумать, как нам попасть во дворец.

– Очень просто, – отозвался Атэр внимание которого, надо полагать, привлекли те же самые гладкие девичьи бедра. – Вы пойдете, и заколдуете сразу.

С нашим появлением в жизни мальчишки все стало «очень просто».

– Ну да. А что бы ты сделал, если бы нас не было?

Наш воспитанник сразу поскущел, отвернулся от девчонки, во всю кокетничавшей с Энджи.

– Что-нибудь придумал бы.

– Например?

– Ну... достал другую одежду...

– Так же, как ты «достал» эту?

Атэр густо покраснел и сердито глянул на меня.

– Ладно... Ладно. Украл. Тебе так больше нравится?

– Так правдоподобнее. Ты реальнее представляешь свои возможности. И что дальше?

– Потихоньку пробрался бы во дворец.

– А ты знаешь, что бывает с теми, кто «потихоньку пробирается во дворец»?

– Да ну тебя! – раздосадованный подросток вскочил. – Издеваешься ты, что ли?!

Я рассмеялся, дернул его за полу гиматия, усаживая на прежнее место.

– Успокойся, я придумую, как попасть во дворец.

Ангел, между тем, закончил свою долгую беседу с девицей и направился к нам. Он улыбался.

– Девушку, которую мы спасли вчера, зовут Гермия, – это было первое, что он сообщил.

– Я счастлив. Ну и какая нам от этого польза?

Энджи не обратил внимания на мой сарказм.

– Она побудет с нами... какое-то время.

– Что, своим успокоительным заклинанием ты отшиб ей память полностью? Она не может вспомнить, куда ей идти? Или ей настолько понравилось твое ангельское общество?

– Гэл...

Я поднялся, взял его за локоть и отвел в сторону, подальше от насмешливо ухмыляющегося Атэра.

– Ты что, не понимаешь? Нам некогда возиться с полубомбочными девицами!

– Гэл.

– Ну что «Гэл»?! Что, «Гэл»?! Свихнуться можно от твоей неумной благотворительности!

Взор ангела казался безмятежным и ясным. Спорить с Энджи было бесполезно. Он уже все решил. Мое согласие не более чем пустая формальность.

– Возиться с ней будешь сам. Понял?

Он понял. Улыбнулся, как будто не сознавая, отчего злится его давний приятель, и отправился обратно к своей новой подружке.

...Вообще городок был очень даже ничего. Особенно, если учитывать, что большую его часть занимал императорский дворец. Мы шли по дороге, засыпанной горячей, по случаю летней жары, пылью. Мимо бело-серых каменных стен. Двери здесь часто выходили прямо на улицу. Кое у каких домов, правда, были небольшие портики, но у большинства подобных архитектурных излишеств не наблюдалось.

Несмотря на раннее утро, город уже не спал. Четверка крепких рабов в набедренных повязках тащила носилки, где сидел какой-то знатный вельможа, направляющийся по государственным делам в центр. Красотки – в скромных темных одеждах, но с ног до головы увешанные золотом – прогуливались в ожидании легкого заработка. Изредка пробегали торговцы жареной рыбой и сладкими пирожками. Маленький серый ослик, запряженный в повозку на двух колесах, провез целую гору цветов, и тут же вся улица удрушающе сладко запахла розами. Стуча по мостовой калцеями и гремя вооружением, прошли бравые воины из городской когорты. Толкая перед собой скрипучую тачку, заставленную кувшинами, покати́л на рынок ремесленник...

Атэр шел, с любопытством оглядываясь по сторонам, и вслух читал надписи, имеющиеся почти над каждой дверью. В большинстве случаев это было простое «salve» (добро пожаловать!) или изображение собаки с доброжелательным пожеланием «save canem» (берегись собаки!). Не исключено, что здоровая псина, действительно, сидела за каменной стеной, ожидая какого-нибудь незадачливого нежданного посетителя. Но, чаще всего, надпись являлась данью традиции.

Один домик особенно позабавил меня. Его фасад радовал глаз рисунком пса размером с хорошего теленка, пожелание посетить это жилище, и золотой клеткой, в которой сидела нахохленная ворона. Она злобно каркнула сакраментальное «salve», и повернулась к нам хвостом.

– Во дают! – восхитился непосредственный Атэр. – Энджи, ты видел?

Ангел молча кивнул. Он был чересчур тих и сосредоточен. Обдумывал какие-то свои неземные светлые планы. Гермия, или как там ее, ни на шаг не отходила от своего спасителя. Строила из себя этакую скромницу, слова лишний раз не услышишь. Но взгляд ее блестящих глазок так шустро шнырял по сторонам, что стало ясно – еще тот подарочек мы повесили себе на шею, благодаря ангелу.

– Нужно найти жилье. – Как всякому уважающему себя демону, мне была необходима крыша над головой. Надежное убежище. Или, хотя бы относительно надежное.

– Вон тот домик как будто ничего, – включился в хозяйственную деятельность Атэр. – Энджи, как ты считаешь?

– Мне все равно, – отозвался мой партнер, глядя совершенно в другую сторону.

– Ему все равно, – подтвердил я, немного досадуя на то, что мальчишка по любому поводу стал интересоваться мнением ангела. – Так что по всем вопросам, касающимся физического существования, обращайся ко мне.

Ученик смешливо хмыкнул и указал на двухэтажное здание, стоящее на другой стороне площади.

– Тогда идем туда. Это наемный дом. Видишь, фонарь над входом. У них есть свободные комнаты.

– Ладно. Сойдет.

– Между прочим, – сказал Атэр с непонятной обидой в голосе. – В наемных домах даже философы живут.

– Ну, раз философы...

Толстый домовладелец, величественно покачиваясь на коротких ножках, показал нам комнаты. Расхваливая их удобство, он особенно напирал на благородную древность архитектуры, и водопровод. Так что никакие моральные устои не помешали ему содрать с нас в три раза больше, чем можно было рассчитывать. За древность, видимо. Потому что воду провести в комнаты ничего не стоило – на нижнем этаже располагались термы, или, по-нашему – просто баня. Энджи подставил палец под тонкую струйку воды, текущую по узкому желобку, попробовал ее и побормотал: «Свинец».

– Свинец! – подтвердил улыбающийся владелец дома, – Совершенно верно. Великолепный, новейший водопровод. Лучшего вы нигде не найдете.

– А что, действительно неплохо, – отозвался Атэр, проверяя на степень скрипучести хозяйскую кровать. – Давай останемся здесь.

Энджи кивнул, и я полез за деньгами.

Свински улыбаясь, домовладелец наблюдал за тем, как я вытряхиваю последние монеты. Потом пересчитал, сжал их в нетерпеливой потной ладонище и поинтересовался ехидно.

– У достопочтенных есть деньги, чтобы заплатить за вторую половину месяца?

– Достопочтенные заплатят за вторую половину месяца сегодня вечером. Устроит?

– Буду ждать с нетерпением, – ответил владелец, ухмыляясь, и величественно понес свой необъятный живот вниз по лестнице.

Я закрыл за ним дверь и скептически оглядел своих спутников. Атэр, довольный жизнью, валялся на кровати, Энджи, по старой привычке, сидел на подоконнике, темным силуэтом выделяясь на фоне окна, Гермия тихой мышкой устроилась на низкой скамье подле ангела.

– Ладно, достопочтенные, пора внедрять в жизнь наш блистательный план. Атэр, где твои игральные кости?

Улыбка сползла с лица подростка. Он опасливо шмыгнул носом, и покосился на светлого.

– Я... я их выбросил. Ты же сам велел.

– Давай сюда. Они мне нужны. Пришло время порастрясти немного этот великий Рэйм и узнать, насколько он богат.

Мальчишка с восторженным обалдением уставился на меня, и шустро спрыгнул с кровати.

– Гэл, я с тобой! Я тоже хочу!

– Ладно, идем... Энджи, ты с нами?

– Нет. Я побуду здесь.

– Ну, как хочешь.

Естественно, желания Гермии были понятны без всяких лишних вопросов. Никакими щипцами ее нельзя было отодрать от ангела. Да, собственно, и не больно хотелось.

– Атэр, идем! Чего ждешь?!

Он бодро поскакал следом за мной по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. А на меня вдруг нашло странное чувство. Как будто я был переполнен воспоминаниями, знаниями, временем...

Слишком много времени прошло... Все, все изменилось, а я продолжаю тащить на себе память о прошлом мире, о прежнем Булффере. Кому это нужно? Зачем это нужно? Мне самому? Энджи? Атэру?..

– Видел бы ты сейчас свое лицо, – словно откликаясь на мои мысли, заявил наш воспитанник. – Думаешь о том, как нам попасть во дворец?

Естественно, только об этом я и думаю. Больше никаких своих собственных соображений у меня возникнуть не может.

– Ну ладно, – продолжал рассуждать мальчишка, успешно копируя мои интонации. – Сейчас выиграем денег, купим роскошную одежду и уже до вечера сможем пойти прямо к лурии Арэлл.

Интересно, он, действительно, наивен до такой степени или прикидывается. В другое время, в другом месте я мог бы, пожалуй, провести его в любой дворец, но теперь...

Я вдруг, с опозданием, понял, что вести себя *теперь* надо очень осторожно. Любой Высший демон мгновенно узнает во мне своего младшего родственничка. И, конечно же, начнет задавать вопросы. Самые разные и очень неприятные. На большинство из которых я вряд ли смогу и захочу отвечать. Например: что простой демон-оборотень делает в императорской резиденции? Почему за ним по пятам таскается молодой ангел и человеческий подросток? Что за странная компания?

До сих пор нам с Энджи удавалось избегать общения с Высшими. Атэр был так любезен, что рождался в небольших городках и селениях, где демоны появлялись крайне редко или не появлялись вовсе.

Но очередное блистательное перевоплощение Буллфера занесло его в самый центр «темной» культуры. Может быть, мне вообще никуда нельзя брать с собой ангела? Может быть, ему опасно находиться здесь? Кто знает, что случилось с остальными его родственниками? Куда они ушли и почему?... Ну, вот опять начался приступ гуманистического бреда! В конце концов, я ему не нянька! Сам навязался воспитывать человека, так что весь риск, который он на себя берет, оправдан.

– Эй, Гэл, смотри! – Атэр толкнул меня в бок, но я уже и сам увидел.

По площади двигалась безумная, ослепительная процессия. Сначала ровным строем шли люди в одинаковых военных плащах и лориках, с красными кожаными поясами на бедрах. Каждый из них нес на плече связку прутьев с привязанным к ним топором. Я насчитал ровно двадцать четыре человека и столько же странных жезлов.

Следом ехали колесницы. У меня глаза полезли на лоб, когда я увидел, кто в них впряжен. Переднюю везли фыркающие и косящиеся на публику олени с ветвистыми рогами. Далее тащилась квадрига с расписными бортами, влекомая малорослыми лошадами. Потом бодрым галопом подскакивала на камнях упряжка здоровых черных собак.

А затем начиналось и вообще что-то непотребное. Рычащая, непрестанно огрызающаяся на погонщика лихая двойка ездовых тигров, глаза которых горели лютой злобой и беспомощной яростью, в хищных пастьях дрожали красные языки, усы хищно топорщились. Еще один экипаж везли львы. Два песочно-желтых зверя с темными лохматыми гривами. И снова львы, тигры, лошади, дрожащие мелкой дрожью от рыков хищников. А потом вдруг две огромные птицы с длинными шеями, крошечными головками, круглыми черными глазами и мощными ногами.

Такого я не видел даже на службе у его могущества Буллфера. Лечебница для сумасшедших на выезде. Я даже не сразу сообразил что шепчет мне взволнованный Атэр, изо все сил дергая за руку.

– Поклонись! Слышишь, поклонись! Император!

И только тогда я увидел веселую человеческую публику, сидящую в высоких повозках с резными позолоченными бортами. Среди них, на самой богато разукрашенной, везли старика в расшитых золотом белых одеждах. На его худое остроносое лицо падали отсветы, отраженные полированными листочками дубового венка, тоже золотого. Эта игра света и тени создавала впечатление, что император то хмурится, то улыбается.

Поза правителя выражала величественное спокойствие. В отличие, надо заметить, от свиты, члены которой из всех сил делали вид, что веселятся, а сами с тихим ужасом косились на своих свирепых «ездовых».

Императора приветствовали довольно дружелюбными криками восторга. Колесницу забрасывали цветами. А я стоял, не шевелясь, и смотрел на это безумное шествие, испытывая огромное желание дать Атэру хороший подзатыльник. Он громко вопил, свистел, и приплясывал на месте в полном экстазе от бесплатного зрелища.

– Гэл, ты видел?! Ты видел это?! В Рэйме вообще запрещено ездить в экипажах!

М-да. Похоже, там, у себя во дворце, они совсем ошалели от безделья. Впрочем, удивляться не приходится. Чем еще заниматься сходящим с ума от роскоши богачам? Все они – лишь никчемные, раскрашенные, разодетые куклы в руках настоящих хозяев – демонов. Им разрешается собирать налоги и жить в золотых чертогах. Устраивать выезды на тиграх, перепелиные бои и охоты. Всегда помня, что в любой момент каждого из них могут сбить одним щелчком, для того чтобы поставить на его место другую куклу.

Моя же цель – сделать из Атэра *настоящего* хозяина, вернуть утраченную славу и величие, вывести из позорного ранга демонических игрушек, куда он попал по ошибке. И я это сделаю, даже если мне за шиворот придется тащить его к вершинам власти.

– Ничтожества, – процедил я сквозь зубы, сжимая в кулаке коробочку с игральными костями.

Атэр вскинул голову, не понимая, что ничтожного я увидел в ослепительной, на его взгляд, процессии.

– А что?

– А ничего... Где здесь у вас добропорядочные граждане культурно проводят время?

– В центральных термах, естественно. Где ж еще? – хмыкнул мальчишка.

– Что они, в карты играют, прямо сидя в бочках с водой?

Атэр фыркнул в ответ на мой вполне резонный вопрос.

– Ничего не в бочках. Там, между прочим, есть залы для отдыха, библиотека, спортивный зал... много чего. А что такое карты?

– Будет время, расскажу.

Если честно, публика, забывшая благородную игру в карты и усложнившая элементарный процесс мытья целой кучей ненужных ритуалов, не вызвала у меня особого уважения. Продолжая недоумевать, зачем нужна в бане библиотека, я поднялся следом за Атэром по широким ступеням.

Мы оказались в просторном светлом зале с колоннами, украшенном мозаикой и изразцами. Мое настроение несколько улучшилось при виде не бедного, судя по одежде, общества. Не высший класс, конечно, но на первое время сойдет и это. Теперь нужно разобраться – что, где, и для чего.

Так, ясно, слева комнаты для отдыха. Ничего себе. Приятное веселенькое местечко, освещенное через дыру в потолке ярким солнечным светом. На стенах бодрые рисунки из жизни древних человекоподобных богов или не менее древних богоподобных людей. Следом виднеется зал побольше и побогаче, там стоят скамьи пошире, и в орнаментах на потолке поблескивает золото. Видно принимают граждан более состоятельных.

А вот и раздевалка. Здесь снуют миловидные рабы, нагруженные белоснежными простынями, флаконами с ароматическими солями и какими-то мазями... К нам подскочил такой вот улыбчивый парень из obsługi, низко поклонился, уставился лучезарно преданными глазами, и деликатно потянулся расстегивать застёжку фибулы у меня на плече. Я даже растерялся от подобной бесцеремонности.

– Раздевайся-раздевайся, – Атэр фамильярно ткнул меня в бок и запрыгал на одной ноге, развязывая ремешок сандалии. – Он заберет нашу одежду.

– Это еще зачем? – я с досадой отстранил назойливые руки раба, пытающегося помочь мне разоблачаться.

– Так надо. Одетыми внутрь не пускают.

– Отлично, об этом я мечтал всю жизнь! Любоваться толпой голых смертных...

– Давай-давай. – Вдохновляя меня личным примером, мальчишка шустро скинул свой старенький гиматий и остался в одной цепочке, на которой висел круглый медный медальончик. Потом довольно потянулся. Под смуглой кожей явственно проступили ребра, хоть пере считывай. Да, признаться, жалкое зрелище – живот впалый, ключицы выпирают, лопатки торчат... Ладно, ничего, откормим. Был бы из этого толк...

– Слушай, Гэл... – Атэр почему-то перешел на шепот и ткнул меня пальцем в спину. – Это у тебя что?

– Защитная руна.

– А для чего она?

– Ясное дело – защищает.

Мой заветный талисман-оберег, хранивший от всевозможных напастей, давным-давно закончил свое славное существование. Ничего лучшего я не нашел, поэтому пришлось выбрить на спине защитный символ. Он оказался слабее прежнего амулета, просвечивая сквозь все мои образы, был виден на спине, но зато действовал безотказно. Пришлось поменять бо льшую магическую мощь на надежность. А что может быть надежнее артефакта, ставшего частью собственного тела.

– Надо будет мне тоже сделать что-нибудь такое... – Атэр, замотался в простыню, пытаясь придать ее складкам сходство с императорской тогой.

Да-да! Непременно! Только магической руны тебе и не хватает! ...Хотя, может быть, нарисовать ему «что-нибудь» персональное для прибавления ума и увеличения магического потенциала? Я набросил на себя льняную ткань, замаскировав рисунок на спине, и кивнул мальчишке, чтобы шел следом.

Следующий зал был мраморным. Все в нем – скамьи, колонны, барельефы на стенах – было выточено из этого камня, режущего глаза излишней белизной. Атэр засмотрелся на две статуи, стоящие друг напротив друга, и едва не свалился в глубокий бассейн, наполненный водой. Из соседнего помещения выкатился красный, распаренный гражданин, сбросил простыню и с разбегу плюхнулся в водоем, издав громкий вопль то ли восторга, то ли ужаса. Вода, перелившаяся через мраморный бортик, замочила наши ноги. Она была ледяной.

Атэр невольно поежился и поспешил свернуть в небольшой теплый зальчик, из которого можно было попасть сразу в два больших. Из первого доносились молодецкие удары, крикание, хэканье, тяжелое дыхание, равномерный стук, и сопровождающий его громкий голос, бодро произносящий: «Один, два...» и так далее до двадцати, затем счет начинался сначала. Ясно. Здесь упражняется атлетически сложенная часть населения. Борцы, игроки в мяч...

Мимо прошествовал один из этих господ, чрезмерно заботящихся о своем здоровье. Блестя жирными от масла плечами, он перекинул за спину край небрежно завязанной простыни, окинул Атэра оценивающим взглядом, остался доволен и направился в следующее помещение. Там, на широких скамьях валялись и сопели граждане, наслаждающиеся массажем. Ловкие руки рабов шлепали по их телам без остановки, и казалось, будто в этом зале стоит непрерывный гул аплодисментов самой разной силы и тональности.

И вот, после всех сих излишеств, наконец, просторная комната с тремя ваннами, где над вяло покачивающейся водой поднимался пар. Здесь было жарко, душно, шумно. Весело перекрикивались мойщики, гремели лохани, наполненные кипятком, кто-то напевал звучным, хорошо поставленным голосом, видимо наслаждаясь процессом мытья, что-то плескало, лилось, и шипело на раскаленных камнях. Самые разнообразные, высокие, короткие, широкие,

отмытые до блеска человеческие тела перемещались в горячем тумане. Я мгновенно покрылся потом с головы до пят, простыня прилипла к взмокшей спине.

Смыться из этой парилки мы не успели. Два мойщика, скучающих без дела, заметили нас. К Атэру подлетел крепкий коротышка в белом коротком переднике и с потной лысиной.

– Попрошу сюда! Располагайтесь! Специально для вас, местечко отличное, поближе к топочке! Жаром так и пышет. Вы, молодой человек, сюда, пожалуйста! Мойщики у нас самые лучшие. По косточкам разберут, обратно соберут – будете как новенькие.

Ясное дело, последнее обещание было произнесено от избытка профессиональных чувств, но мне стало немного не по себе, когда я увидел здорового мойщика с застенчивой улыбкой на звероподобном лице. Он протопал к скамье и первым делом опрокинул на меня ведро кипятка. Пока я, выпучив глаза, ловил ртом воздух, меня с ног до головы намазали какой-то вонючей жидкостью и принялись разбирать на кости в прямом и переносном смысле.

Где-то рядом повизгивал Атэр, над которым, видно, издевались не менее изощренно. Еще одно ведро горячей воды, от чего кожу зашипало, волосы на спине и на голове поднялись дыбом. Потом меня опять терли, мазали и снова терли, перекачивали с боку на бок и окачивали водой... Ничего, поживешь среди людей привыкнешь даже к этому.

– Не желаете спину облагородить? – прозвучал над ухом вкрадчивый голос. – Имеется отличное средство стоимостью всего один дупондий.

– Что облагородить?!

Атэр, слышавший этот разговор, фыркнул насмешливо и сообщил мне доверительно:

– Тебе предлагают волосы со спины убрать! Ну, сбрить... или намажут какой-нибудь гадостью, и они сами вылезут.

– Чего?! – я едва не задохнулся от возмущения, и продавец отличных средств испарился, едва только увидев мою разъяренную физиономию. – Да я его самого сейчас как облагорожу!

Мальчишка захохотал так, что едва не свалился со своей скамьи. Но мне лично было не до веселья. Эдакое хамство! Соваться к демону с предложением лишить его благородной растительности! Голову открутить за подобное нахальство!

– А ну, вставай, хватит валяться! – я швырнул все еще посмеивающемуся Атэру чистую простыню, вылил из рожка, в котором лежали игральные кости, залившуюся туда воду, отпихнул мойщика, и пошел в следующий зал.

Пока нас истязали, народу в термах прибавилось. Вокруг расхаживали личности разной степени раздетости, сновали торговцы напитками, булочками и сосисками. Все они вопили, расхваливая свой товар, и путались под ногами. В каком-то углу тонким фальцетом надрылся парикмахер, предлагая всем желающим воспользоваться его услугами. Невесть откуда вынырнул продавец одеял из мохнатой материи и привязался ко мне, требуя купить столу для «стройного мальчика», то есть Атэра.

Отделаться от него удалось с трудом. Мой воспитанник слегка надулся из-за того, что ему не приобрели теплую накидку, но, увидев следующее помещение, снова развеселился. Здесь было то, ради чего, собственно, мы и пришли.

Вымытые, подстриженные, убаженные массажем рэймляне неторопливо прохаживались парами и в одиночестве по великолепной длинной зале. Арками и колоннами ее разделили на небольшие уютные уголки, где стояли столы с резными ножками и широкие скамьи для сидения или лежания.

В центре павильона громко капали, отмеряя время, водяные часы – слегка сплюснутый шар с отверстиями. Судя по нижней чаше, натекло уже часа два после полудня. Но единственного измерительного прибора строителям бань оказалось мало, и рядом с клепсидрой¹⁴ они установили еще и часы солнечные. Высокий стержень торчал посреди мелкого бассейна,

¹⁴ Клепсидра – водяные часы.

на внутренней стороне которого виднелись отметки. Длинная тень замерла на одной из них. Кажется, какой-то из хронометров отставал.

Атэр с любопытством глазел на все эти диковинки, периодически толкал меня в бок, привлекая внимание, и шепотом сообщал свои соображения.

– Гэл, Гэл, смотри, вон, тот дядька в тоге. Это Тиберий Гратх. Народный трибун. Видишь, у него красная кайма на подоле.

Я глянул на серьезного господина с седыми коротко стриженными волосами и угрюмой физиономией. Видимо, действительно важный деятель – его широкий лоб пересекали аж четыре глубокие морщины. Гратх солидно шествовал из одного конца зала в другой, перекинув через плечо край белоснежной тоги.

Периодически он грозно сводил брови, и взгляд его становился как будто невидящим, обращенным внутрь себя. Потом трибун совершал величественное движение рукой, и к нему тут же подскакивал раб, до этого неслышно кравшийся следом, почтительно подсовывая своему господину бумагу, натянутую между двух дощечек. Тот брал стило, не глядя, чиркал что-то в документе и снова шествовал дальше. Не иначе, готовил речь в сенат.

Атэр снова толкнул меня в бок, и когда патриций прошел мимо нас, распространяя запах дорогих благовоний, шепнул:

– На него уже два покушения было.

– И кто покушался? – спросил я заинтересованно.

– Спроси лучше, за что! Он хочет... как это... А! Возродить утраченное значение должности народного трибуна – иметь право налагать вето на любое решение сенаторов. Он должен интересы народа отстаивать. А интересы – чтобы цены на хлеб не поднимали. А еще чтоб излишки земли у императорских чиновников, которые себе захапали, безземельным отдать... Только я думаю, ничего у него не получится. Императору это не надо. Он сам от демонов зависит. Как они скажут, так и будет. Им надо налога на пятьдесят миллионов сестерциев, они их и возьмут. А остальное не волнует. Им, может, даже нравится государственных деятелей друг с другом срамливать.

Я с интересом посмотрел на Атэра, вдруг начавшего рассуждать о политике.

– Откуда ты все это знаешь?

Мальчишка дернул плечом, с которого сползла простыня, убрал со лба мокрые волосы.

– Знаю, и все. Это все знают.

– И кто же на него покушался?

– Да уж не демоны. Те прихлопнут сразу, если что не по ним... Наверное, кто-то из своих. Родственники или друзья, мало ли...

– Что же он по термам без охраны шляется?

– А он говорит, что жизнь его идет на виду у людей и закончится, если Фортуне угодно, тоже на глазах у них. Пусть видят, говорит. Ему терять нечего. А охрана ему не нужна, он сам мечом, знаешь, как владеет. Он еще при императоре Светонии в походе на Норбон участвовал. Выбрали трибуном Тиберия уже потом.

Я с некоторым уважением посмотрел на Гратха, в очередной раз медленно прошествовавшего мимо. Везет мне на благородных безумцев в последние пять тысяч лет. Не молодой, вроде бы, уже человек. Видать, что и не бедный, чтобы плыть против течения императорско-демонической политики. И ведь не дурак, понимает, что снесет его рано или поздно. Сметет и раздавит. И никто из людей, которых он пытается защищать, даже не вспомнит о нем. Хотя, есть вероятность, что у него какой-то собственный интерес в этой политической возне? Не может быть, чтобы не было...

Впрочем, это не мое дело – ломать голову над человеческими глупостями. Энджи, может быть, и полюбопытствует, а я – благородный демон, и на правах сильного имею право взирать

на всю подобную чепуху свысока. А то, что Атэр интересуется политикой – неплохо. Совсем неплохо.

– Ладно, – я потряс рожком с игральными костями. – Пойдем, займемся делом.

Мальчишка оживился, устремляя на меня взгляд преданных, светло-зеленых глаз. Взволнованно шмыгнул носом.

– Что делать?

– Пойдем вон туда. Присядем.

Мы устроились на широкой скамье с подлокотниками в виде ослиных голов. Как мне объяснил Атэр, это животное здесь считали способным разрушать всякие зловредные чары, поэтому изображение осла частенько украшало собой мебель. Подложили под спину мягкие подушки, и я вытряхнул игральные кости. Несколько рэймлян, привлеченные заманчивым стуком, немедленно повернулись в нашу сторону. Не обращая внимания на этот повышенный интерес, мы с Атэром стали играть потихоньку, передавая, друг другу стаканчик.

– Десять, – подросток взял костяные кубики, потряс в ладонях, зачем-то подул на них и бросил на стол. Те весело покатались по гладкой доске с низкими бортиками, стукнулись боками и замерли в позиции «пять и пять». Мальчишка довольно улыбнулся. – Я же говорил «десять»!

Я заметил, что синие метки на костях, невидимые простому глазу смертного, начали светиться сильнее, как только он взял их в руки. Значит, есть все же у парня магический потенциал, хотя он возникает стихийно и пока только на азартные игры. Это обнадеживает.

– Теперь бросай ты.

Я бросил. Просто бросил, без применения волшебства. Выпало «девять». Атэр засмеялся и протянул руку.

– С тебя два сестерция... нет три.

– Ты неправильно играешь, – я хлопнул его по нахальной ладони и вернул стаканчик. – Ты просто заставляешь кости выбрасывать нужное тебе число. Но ведь ты не знаешь, что выпадет твоему сопернику. Может быть меньше, чем у тебя, а может быть и больше.

– Ну, это невозможно угадать.

– Возможно, хотя и сложновато. Проще приказывать кубикам ложиться именно так, как выгодно тебе, в руках другого человека. Но этот трюк не обманет демона.

– А я не собираюсь играть с демонами.

– Может, и придется. Будь внимательнее. Сосредоточься.

Атэр нахмурился, выражая таким образом высочайшую степень сосредоточенности, и, когда бросал я, попробовал контролировать кубики в моих руках. Несколько раз у него получилось. И даже очень неплохо. Было приятно чувствовать, как метки под моими пальцами становятся горячее и послушно выполняют мысленный приказ ученика, поворачиваясь нужной гранью.

Но до конца обучение довести не удалось. К нам подошел господин с узкими плечами и круглым животиком, выпирающим даже под складками тоги. Нижняя часть его лица – губы, подбородок и даже кончик носа – выражали полнейшее равнодушие и, пожалуй, некоторое презрение к нашей с Атэром игре. Зато глаза жадно следили за прыгающими по доске костями. Не отводя взгляда от заманчивых кубиков, человек оперся рукой о стол и, нетерпеливо постукивая пальцами по гладкому мрамору, заявил:

– Левый крученный от борта и вправо.

Знаем мы таких – заядлый игрок, который не может спокойно следить за чужой партией. Из тех, кому обычно не везет, но они до умопомрачения уверены в себе и, конечно же, играют не просто так, а по системе! Дурацкой, ими же самими придуманной. Дай такому волю, проиграет все до последнего и уйдет домой даже без простыни.

Атэр, чей был ход, мельком взглянул на меня, и я едва заметно подмигнул мальчишке. Ученичок оказался сообразительным. Кости, брошенные его преувеличенно неуверенной рукой, робко покатались по столу и остановились, показывая жалкий результат. Единица и двойка.

– Да не так! – Рука игрока нетерпеливо метнулась к доске, собираясь перехватить ход, но он вовремя вспомнил о приличиях и сдержался.

– Прошу прощения, что помешал вашей игре, но у меня, знаете, это своего рода страсть. Я даже выработал определенный бросок, который состоит в особом движении кистью, плавном и резком одновременно. Поэтому я и позволил себе...

– Да чего уж... – С самой добродушной улыбкой я указал господину на свободное сидение. – Присоединяйтесь.

– Ну, если вы настаиваете. – Приглашение едва успело прозвучать, а он уже сидел напротив, подпихивая себе под бока подушки. На щеках разгорелся нездоровый румянец, словно только что после парной. Цепкие пальцы схватили кости и незамедлительно ощупали их на предмет незаметных глазу пометок, но естественно, ничего не почувствовали.

– Играем в простую или с трех? – озадачил меня партнер неожиданным вопросом.

– В простую, – ответил я, не имея ни малейшего понятия, что значит «с трех». Не иначе какое-то новое веяние. Да, это не карты, о которых я знаю все...

– В простую, так в простую, – согласился игрок. – Начнем с маленькой, если не возражаете.

Он вытащил откуда-то серебряную монетку с женской головой в шлеме и знаком IS. Что означает один сестерций (или же два с половиной асса). Самая ходовая в Рэйме денежная единица. Ладно, и мы поставим столько же. Я вытряхнул из рожка спрятанную там часть заначки, и положил ее на край стола.

Атэр, как малолетний и безденежный, из игры был исключен и теперь сидел, нервно ерзая по своей подушке, посматривая на меня с тревогой и надеждой. Ладно, малыш, не переживай, не таких обыгрывали.

Мой противник перебросил кости из ладони в ладонь, тоже зачем-то подул на них и, закрыв глаза, швырнул на доску. Должен признаться, бросал он мастерски. Сначала плавное движение кистью, затем резкий выброс.

– «Девять», если позволите, – внушительно произнес человек и требовательно посмотрел на меня.

Позволим, пока позволим. Для начала я проиграл ему. Не много, всего на одно очко. Атэр тревожно засопел рядом, но никак больше не показал своего недовольствия.

В следующий круг выпало «7»–«8», затем «12»–«10». Монеты перемещались из одной кучки в другую, в зависимости от того, кто проигрывал или выигрывал, особо не нарушая денежного равновесия.

Атэр, изнывая от бездействия, нервно теребил угол подушки, на которой сидел. Ему хотелось выиграть много, сразу. Набить полный подол тоги. Я, конечно, понимаю. Мои демонские инстинкты тоже требовали гор золота, которое можно тратить не задумываясь. Привык я, признаюсь, на службе у его могущества Буллфера иметь неограниченный кредит на любые государственные нужды. Самому-то мне много не надо. Оборотни, они, вообще, неприхотливы. Разве что сотню-другую на карточные игры сверх положенной зарплаты...

Конечно, хотелось перевернуть и потрясти термы, как глиняную копилку. Подобрать все высыпавшиеся монеты и гордо удалиться. Но делать этого нельзя. Пока. Тонкая методика шулерства требовала во время обыгрывания осторожности, а при перекачивании денег из чужих карманов в свои собственные – постепенности. Нельзя дать понять противнику, что ты нагло и равнодушно обчищаешь его. Пусть почувствует себя настоящим мастером игры, пусть

расслабится. Но нельзя и дать ему заскучать. Тут тоже надо вести себя очень тонко. Несколько мелких проигрышей только добавят азарта.

К нам постепенно присоединялись заинтересованные граждане.

Вторым моим противником стал юноша с высоким лбом, горящим взглядом и румянцем во всю щеку. Сразу видно, гордость родителей и надежда государства, рожденный для того, чтобы двигать вперед прогресс, а не протирать тогу в азартных играх. Но где уж тут удержаться от того, чтобы блеснуть своей ловкостью и удачливостью.

Третий – господин преклонных лет, с жилистой шеей, пегими волосами, мокрыми после недавнего купанья, и орлиным носом. Едва усевшись, он тут же попытался установить свои правила игры, поменять очередность ходов, но на него сердито зашикали, и старичок угомнился.

Четвертым игроком оказалась весьма неприятная личность. Широкоплечий здоровяк с благодушным лицом и зычным голосом. Только-только из спортивного зала. С его появлением произошла небольшая неприятность. Я потихоньку обыгрывал своих противников, иногда пользуясь магическими свойствами костей, иногда нет, как вдруг атлет дернулся, схватился за медальон, висящий на его выпуклой от обилия накачанных мышц груди, и заявил:

– Кто-то колдует. Смотрите! Мой амулет никогда не обманывает. Видите?.. Видите, как он заблестел!

И он принялся совать под нос каждому желающему (которых вокруг нас, надо сказать, собралось достаточное количество) свою позеленевшую от воды медяшку на цепочке. Провалиться тебе вместе с амулетом под эти самые термы!

– Остановите игру!

– Нет уж, пусть доиграет. Посмотрим, кому повезет, тот и мошенник.

– В этой доске, должно быть, магическая субстанция скрыта.

– Что за чушь, лурий Квист, какая магическая субстанция?! Почему именно в доске? Весь стол надо разобрать!

– Этот стол, граждане, цельный, из доброкачественного коринфского мрамора, мы в прошлый раз на нем играли в полис.

– Ну и?..

– Я выиграл.

– Кости проверить можно. Вы их ножичком поскребите.

– Вот уж нет, уважаемые, – строго возразил я, убирая кубики в рожок. – Портить не дам. А если возникли сомнения, давайте другую доску, стол, кости – всё заменим.

– Нет! – упирался атлет. – Давайте-ка проверим *эти* кости!

Атэр взглянул на меня испуганно-затравленным взглядом, в котором явственно читалось: «Сейчас нас будут бить». Я же, сделав совершенно непроницаемое лицо, поставил рожок на середину стола.

– Пожалуйста, можно и проверить. Мне скрывать нечего.

Интересно, насколько силен амулет этого типа. Если сделан специально против профессионального шулерства, должен быть очень сильным. Атлет вытряс кубики на свою широкую ладонь и поднес к медальону. Атэр зажмурился, ожидая, что наш обман раскроется. Он не знал, что против любой самой мощной магии может найтись еще более сильная. Правда, в работе с волшебными артефактами есть своя хитрость. Бездушные безделушки в своем роде совершенны. Выполняя свою невидимую работу, они не устают и не отвлекаются, как люди. Человека, и даже демона, можно обмануть, подкупить или уговорить, подкрасться незаметно и ударить в самое слабое место. У амулетов нет незащищенных мест, они могут быть просто сильно или слабо заряженными. И очень хорошо, если твой собственный магический потенциал достаточно высок, а если нет, шарахнет тебя какой-нибудь крошечный серебряный кружочек, болтающийся на шее врага, так, что мало не покажется.

Но я-то! Тоже хорош. Не почувствовал волшебной игрушки на груди у конкурента. Расслабился, привык считать смертных тупыми идиотами, теперь придется выкручиваться... По правому виску потекла струйка пота, ладони неприятно закололо, когда сила амулета столкнулась с моим маскирующим заклинанием, наброшенным на кости. Я чувствовал, как чужая неживая сила пытается пробить, смять, растянуть невидимую пленку над мечеными кубиками. Упорно, настойчиво...

Атэр широко распахнув глаза, смотрел на меня, догадываясь, что происходит нечто странное, но не мог понять, что именно.

– Нет, кости правильные, – сказал, наконец, к моему облегчению, кто-то из зрителей. – Амулет больше не светится.

– Давайте подождем еще, – упорствовал атлет.

Но народу надоело ждать неизвестно чего, и после бурных дебатов, кости были мне возвращены. Я незаметно вытер пот с висков, наблюдая за тем, как проверяются безобидные стол и доска. Атэр шумно вздохнул, но тут же замер снова.

– Вернемся к игре! – потребовал юноша-надежда родителей.

– Да, вернемся, – поддержали его остальные.

– А кости переменить, – мстительно заявил атлет.

– Не возражаю, – отозвался я вполне миролюбиво.

И вдруг в моей голове зазвенел громкий отчаянный вопль Атэра: «Гэл, что ты делаешь!?»

Я удивленно глянул на него и понял, что мальчишка не открывал рта. Кроме меня, его никто не слышал. Вот и славно. Мой ученик совершенно самостоятельно, видимо от нервного перевозбуждения, настроился на мою мысленную волну, но даже не понял этого. Магические способности проявляются стихийно. Так я и думал.

– «Ты что делаешь?! Мы же проиграем, если будем играть обычными костями!»

– «Спокойно, мальчик! Ты забываешь, с кем имеешь дело! Я тебе не какой-нибудь тупой смертный!»

И только сейчас, услышав мой, также мысленный, ответ, Атэр понял, что произошло. Он, прижал ладонь ко рту и вытаращил на меня круглые зеленые глаза. И вид у него, я скажу, получился самый настораживающий. Но на подростка, к счастью, не обратили внимания, потому что игра вышла, наконец, на блистательную, завершающую прямую.

– Удваиваю! – юноша высыпал на стол рядом с доской блестящую горку золотых монет.

Остальная компания тоже полезла в свои шкатулки с деньгами, которые держали почти-тельные рабы. Атлет выложил все свои сбережения, но их явно не хватало до нужной суммы, поэтому, подумав немного, он стянул с шеи медный медальон, причинивший мне столько неудобств, и положил его поверх своих сестерциев. У меня была та же самая проблема. Не хватало совсем немного...

– Если почтенные игроки не будут возражать, я позволю возместить недостаток вот этим мальчиком.

«Гэл!..» – мысленно пискнул ошарашенный такой наглостью Атэр.

«Заткнись!» – так же мысленно отозвался я.

– Мальчик послушный, может быть использован в домашней работе, прекрасно поет, знает много занимательных историй.

Господа посмотрели на красного от возмущения Атэра, сдержанно покивали и продолжили игру.

Первым бросал атлет. Я сконцентрировался, и «подхватил» кубики, выкатившиеся из его ладони. Они прогремели по доске, стукнулись о борт и перевернулись именно так, как я им приказал. «Шесть». Зрители громко прокомментировали этот бросок как весьма жалкий и посоветовали неудачнику проститься с деньгами и амулетом впридачу. Атлет насупился, проворчал что-то угрожающее и мстительно уставился на следующего игрока.

Юноша швырнул, не глядя. Чуть улыбаясь и глядя куда-то под потолок. Я позволил его результату подняться до восьмерки.

Старик выбросил пять. Хотя и это для него было много. Следующий ход был мой. Я сжал в ладони гладкие ребристые кубики и почувствовал вдруг, что они больше не слушаются меня... Я почти не мог управлять ими. Плохо, очень плохо... Лоб мой снова покрылся потом, ладони закололо. Надо расслабиться, прикрыть глаза на минутку... Хитрая штука – азартные игры, иногда начинаешь верить, что ими действительно управляет кто-то. И любые демонические способности могут отключиться в самый неподходящий момент, столкнувшись с иной, непонятной, силой...

Я еще раз тряхнул кости и бросил. Кубики запрыгали, сталкиваясь гранями... остановились. Один лег пятеркой кверху, другой покачался мгновение на неустойчивом ребре и перевернулся. Еще одна пятерка. Итого десять. Совсем не плохо. Только неизвестно, что подстроит мой самый первый противник, тип с особым, «плавным и резким» движением кистью.

Он долго катал кости между ладоней, встряхивал их, заинтересованно посматривая на Атэра, тихой мышкой замершего рядом со мной. А потом бросил, резко и неожиданно. И так же быстро следом полетело мое заклинание. Может быть слишком сильное, но сейчас было не до деликатностей. Кубики закрутило на одном месте, они подпрыгнули, и остановились... Зрители вздохнули и выдохнули. «Девять!»

Вот и все. Теперь можно открыто утереться краем тоги, покровительственно улыбнуться моим менее удачливым партнерам, подгрести к себе выигранные монеты и купить всей компании прохладительных напитков. Потом кто-нибудь наверняка захочет отыгаться, только это уже без меня. Но мечтам моим, как всегда, не суждено было осуществиться.

Старик вдруг завозился, вытаскивая из-под себя подушки, и приговаривая:

– Уважаемые, никто не видел моей чернильницы? Только что тут была.

Эта возня, конечно, не имела к нам никакого отношения, но на мгновение мне стало как-то нехорошо.

– Только что тут была. Я ее на скамью положил. Простенькая такая, но она, знаете ли, дорога мне как память...

– Не эта ли, уважаемый? – очень неприятным, ехидным голосом поинтересовался атлет, схватил Атэра за плечо и без особого усилия заставил мальчишку показать, что тот сжимает в кулаке. Оказалась именно она – злополучная «простенькая» чернильница, украшенная тонкими полосками золота. Я мысленно застонал.

– Вор!

– Смотрите, там вора поймали!

– Кто?! Где?!

– Вон там, за столом!

– А что украли?

– У кого?

Интерес к поимке малолетнего преступника все увеличивался, и пока сюда не собрались все посетители терм, действовать пришлось очень быстро. Одной рукой я сгреб в подол простыни, завязанной на манер тоги, наш выигрыш. Сколько смог. Ударом ступни опрокинул стол. Он упал прямо на атлета, и, чтобы удержаться на ногах, тому пришлось выпустить мальчишку. Я схватил Атэра за шиворот, одним мощным магическим пинком, расшвырял любопытную публику, собравшуюся вокруг плотным кольцом, выскочил на открытое пространство. И вдруг нос к носу столкнулся с самим трибуном Тиберием Гратхом. Отлично, сейчас вытащит народный любимец меч из складок длинного одеяния с пурпурной полосой, а мне придется уложить его с помощью какого-нибудь заклинания посильнее. И станет еще одним человеческим героем меньше. Но, как ни странно, Гратх, встретившись со мной взглядом, вдруг усмехнулся, и отступил в сторону, давая нам дорогу.

Все еще держа за шкурку Атэра, и придерживая в тоге золото, колотящее по ноге, я выскочил из зала и нырнул в парильню, наполненную горячим паром. За нами следом кто-то бежал, азартно вопя, впереди тоже выдвинулось обширное тело, вооруженное ведром с кипятком. Но я больше не стал валять дурака, открыл телепорт и нырнул в него вместе с ошалевшим мальчишкой, клубами горячего пара и брызгами воды...

Мы очутились на тихой безлюдной тенистой улочке. Несколько мгновений сидели, медленно приходя в себя, потом Атэр начал ощупывать лицо, проверяя «правильно ли собрался» после перемещения в демоническом телепорте. Понял, что все в порядке, вскочил, вопя от восторга.

– Гэл! Ты потрясающий! Ты просто... потрясающий! Как ты их всех! Как ты их всех! Как они все, а?!

Да-да. Конечно. Другие эпитеты кроме «потрясающий» и «великолепный» ко мне трудно подобрать. Ну, в крайнем случае, я еще соглашусь на «сверхъестественный».

– Ты зачем украл чернильницу?!

Атэр сразу сник, потупился, шмыгнул носом.

– Н-не знаю. Я волновался... А я когда сильно волнуюсь... у меня потом в руках всегда оказываются какие-нибудь вещи... иногда чужие.

Ясно. Клептоман. Малолетний клептоман на нашу голову. Вот будет Энджи подарочек.

– Слушай, Гэл, – он вдруг схватил меня за руку, забыв о своей провинности. – Что это было? Как мы с тобой разговаривали... молча?

– Это называется мысленная связь, – объяснил я устало. – Магическое действие. Не слышит никто, кроме двух говорящих, ну или трех... Голос звучит здесь.

Я приподнялся и постучал Атэра по лбу.

– Здорово, – он потер свою черноволосую выхрастую голову, а я подумал о том, что надо было его подстричь, пока мы были в термах. – Это ты так сделал... ну, мысленную связь?

– Это ты сам сделал. Переволновался, наверное.

Мальчишка сердито засопел и отшвырнул в сторону чернильницу, которую до сих пор сжимал в руке. Поправил свою тогу из простыни и покосился на меня.

– Деньги пересчитать надо. Что ж мы их зря, что ли, выиграли.

Как будто деньги выигрывали только для того, чтобы их пересчитывать. И особенно мне нравится это «мы».

– Считай, если хочешь.

Атэр оглянулся по сторонам, не обнаружил никого подозрительного, высыпал монеты на землю под деревом и принялся перекидывать их из одной кучки в другую, шепча что-то беззвучно. Похоже, это занятие развеселило мальчишку – хмуриться он перестал.

– Три тысячи сестерциев. – Атэр, наконец, закончил подсчет, разложив монеты аккуратными столбиками. – Неплохо! Теперь мы сможем купить одежду. И еду. Я, знаешь, с утра есть хочу. А ты мне даже пирожка не купил.

– Купил бы, если бы ты не свалил дурака с чернильницей.

Подросток поморщился, но возражать не стал, его тревожила какая-то другая мысль.

– Знаешь, три тысячи сестерциев это хорошие деньги. Не самые большие, но на них можно жить в достатке четыре месяца. Или даже пять. Только я не понимаю, ты же демон. Наколдовал бы нам богатые одежды. Или миллион сестерциев. Не нужно было бы идти в термы...

– Если бы мы не пошли в термы, ты бы не научился самостоятельно выходить на мысленную связь, – отрезал я. – И будь добр, не задавай лишних вопросов. Я знаю, что делаю.

Совершенно ни к чему мальчишке быть в курсе, нашей с ангелом системы воспитания бывшего Буллфера.

Атэр пожал плечами, поднял медный амулет атлета-неудачника и протянул мне.

– На. Держи, это часть твоего выигрыша.

– Можешь оставить его себе. Как сувенир.

Мальчишка задумчиво повертел в руках медальон, потер его краем тоги и повесил на шею.

– Я его Энджи подарю. Может, ему понравится.

Подари-подари. Тебе еще, дружок, предстоит выслушать не один десяток деликатных упреков на тему игры мечеными костями в общественном месте. Удивляюсь, как он вообще отпустил нас в термы обманывать наивных граждан. Что-то его светлость в последнее время стал чересчур рассеян.

– Ладно, – я сгреб монеты, аккуратно разложенные Атэром, оторвал от своей тоги-простыни кусок и завязал в него деньги. Получилось что-то, отдаленно напоминающее кошелек. Ничего, первое время обойдемся и таким. – Теперь идем.

В этом квартале было на удивление пустынно и тихо. Только в пыли у каменной стены, на самом солнцепеке, валялась собака. Она подняла голову, следя за нами сонным взглядом, зевнула. Потом, почуяв во мне демоническую сущность, попыталась зарычать, но передумала и снова уронила мохнатую голову на лапы.

Как оказалось, пес охранял (или делал вид, что охраняет) вход в лавку, где торговали дешевыми тканями, медными и серебряными украшениями, металлическими зеркалами, свечниками и прочей мелочью. Почтенный седовласый господин-торговец меланхолично взирал на то, как Атэр роется в его тканях, шлепая босыми пыльными ногами по гладкому камню пола. На меня он покосился только один раз и свое отношение к моей персоне выразил тем, что придвинул ближе к себе тонкогорлую вазу. Видимо, она была самой ценной в этом заведении.

– Гэл, смотри, берем вот эту тунику ¹⁵. И эту тоже. А еще, гляди, ткань для тоги ¹⁶. Очень красивая. А мне – пенулу ¹⁷. Вот какая теплая. Покупай.

Атэр вывалил на прилавок передо мной целую гору тряпок.

– Что, всё это?!

– Ха! Это только половина. Приличному гражданину нужно иметь белую тогу Лацерну, чтобы ходить в театр, но она очень дорого стоит. Тунику, которую одевают дома. А еще синтесис – застольные одежды, еще эндромис – это такое толстое одеяло, в которое заворачивают после гимнастических упражнений, а еще...

– А штаны у вас приличные граждане носят?

– Нет. Их одевают только солдаты. Да и то не всех когорт.

– Ясно.

– Подожди, Гэл. Надо еще шкатулку купить. Мы туда деньги положим... И, знаешь, еще, наверное, надо что-то для Гермии.

– Обойдется! Хотя... ладно. Давай эту тунику, попроще...

Пока Атэр выбирал обувь, я сложил одежду так, чтобы удобнее было ее нести. Потом поинтересовался у торговца ценой.

– Триста, – отозвался он равнодушно, и тут же, взглянув на красивые плетеные сандалии, которые притащил мальчишка, поправился – триста пятьдесят.

Я не стал спорить и выложил деньги. Очень уж хотелось попасть, наконец, домой.

¹⁵ Туника – рубашка без рукавов, доходящая до середины бедра, поверх нее надевается пояс.

¹⁶ Тога – национальная рэймская одежда. Длина – от середины колена до ступней. Считалась тем богаче и шикарнее, чем большее количество красивых складок было на ней заложено.

¹⁷ Пenuла – круглый теплый плащ с капюшоном, одевался в плохую погоду поверх остального платья.

– Гэл, – снова зашептал мне на ухо неугомонный Атэр, – тебе надо оружие. Приличный рэймский гражданин не может выходить на улицу без оружия.

Как же он мне надоел со своими правилами приличия... Хотя, мальчишка прав.

На вопрос, есть ли оружие, торговец молча указал пальцем в глубину лавки, где у стены стояли мечи. Все они были трех видов. Короткие гладиусы, обоюдоострые и остроконечные. Такими игрушками только прохожих в темных переулках резать. Нет, не пойдет. Другие слишком длинные – под названием спата. Избавьте, будет все время при ходьбе по ноге хлопать и в тоге путаться. То еще зрелище – благородный рэймлянин, пристегнутый к боевому мечу... Ну, вот это более-менее приемлемо – средней длины с острым концом. Хозяин заведения упорно называл эти клинки «балтус». Подойдет, пожалуй.

Я подобрал ножны, пояс. Повесил на него свое новое оружие, походил по лавке, привыкая. И остался доволен.

Торговец содрал с нас еще пару сотен. И мы с Атэром, в конце концов, вышли из сумрачной лавки на улицу, под яркое солнце. Мальчишка еще раз полюбовался своими новенькими калцеями с красными ремешками и поинтересовался:

– Гэл, а ты как, вообще, не устал? Может, снова телепортируемся? Раз, и дома.

– Никаких «раз, и». Пойдем, как все.

Я взял под мышку узел с одеждой, а шкатулку с деньгами поручил Атэру.

Глава 7

«Гиеронт»

Ранняя смерть. Ранняя. Мучительная. Смерть.

Арэлл сидела на стуле с резными гнутыми подлокотниками, опираясь локтями о стол, прижималась лбом ко ладоням, и тупо повторяла про себя: «Одиночество. Пустота. Смерть...». Жутью и безысходностью веяло от этих слов. А еще, если подумать, глупой иронией. Можно представить себя древним мифическим героем, которому боги обещали славу. И гибель на поле боя.

Арэлл закрыла глаза, пытаясь понять, что чувствует теперь. Страх? Жалость к самой себе? Смирение?

«Я должна смириться? – вновь и вновь спрашивала она себя. – Привыкнуть к мысли, что умру скоро? Нет, это меня не пугает. Людей давным-давно приучили думать о каждом наступающем дне, как о самом последнем. Мы даже создать ничего не можем. Искусство превратилось в ремесло. Художники и скульпторы, стали простыми рабочими. Как можно создавать, когда каждый день ждешь смерти? Как можно жить и радоваться?.. Все, что нас окружает, напоминает о гибели, боли, тоске. Во всем – отражение этого последнего дня!»

Арэлл отняла руки от лица, огляделась. Вот скульптура мальчика, которая так нравилась ей всегда. Он сидит, опустив запястья на обломок колонны, пристроив кудрявую голову на согнутом локте, и смотрит в пустоту. На нежном мраморном лице выражение недетской скорби и усталости.

На стенах росписи. Яркие, слишком яркие, краски. Изогнутые в танце тела девушек и юношей едва прикрыты одеждами, в руках музыкальные инструменты, цветы, чаши с вином. На лицах отчаянное веселье. Вакхическое безумие. Желание забыться. Мечта умереть счастливыми.

Многokrатно повторяющиеся вычурные линии орнамента пола. В их переплетении угадываются страшные, странные нечеловеческие лики, которые следят за ней мертвыми глазами. Потолок, где золотые нарциссы и черные асфоделии – цветы смерти – окружают печальные головки спящих нимф, их бледные тонкие тела. А над ними склоняются отвратительно-привлекательные духи, или демоны с мощными когтистыми руками.

Даже ее шкатулки, коробочки с косметикой, заколки и гребни отмечены изысканной тенью смерти. Подстреленная лань на крышке, вянувший цветок с вывернутыми лепестками из перламутра, круглая луна, из длинных закрытых глаз которой катятся жемчужные слезы...

«Мы умираем. Медленно, красиво, в безобразной роскоши. Окруженные демоническими жертвенниками, из которых течет гнилая, мерзостная сила, отравляющая нас», – Арэлл снова закрыла глаза, чтобы не видеть скорбящего мраморного мальчика, разнузданно-веселых танцоров и умирающих нимф. «Я могу смириться со смертью. Я давно с ней смирилась. Какая разница, когда умрешь. Пусть раньше. Это даже лучше. Останусь молодой. Не буду видеть в зеркале унылое, дряхлеющее лицо под слоем пудры и румян. Я не боюсь смерти... Я боюсь одиночества. Я не хочу быть одна! Я не могу! Я хочу, чтобы меня любили!»

Она сжалась на своем неудобном стуле, зажмурилась изо всех сил, чувствуя то самое одиночество и пустоту, подступающие со всех сторон. «Нет. Нет! Я не могу быть одна! Я же знаю, как это. Вокруг люди. Много людей. Говоришь с ними, улыбаешься, смотришь в их глаза, и чувствуешь равнодушие. Проклятое одиночество, от которого невозможно избавиться! Почему я не такая, как они?! Почему я не могу быть веселой, беззаботной эгоисткой, подобной Лолле?! Вот стоит Гай. Когда он смотрит на меня, думая, что я этого не вижу, его взгляд становится мучительно страстным. Он красивый, кажется неглупый, он готов был умереть, спасая меня от демона. Так почему же с ним я тоже чувствую себя одинокой?! Я как будто жду чего-то.

Того, что избавит меня от Клавдия, императорского дворца, Лоллы, от зависимости и беспомощности. Демоница сказала: „Ты сама лишила себя своей судьбы.“ Но как может человек лишиться себя судьбы?! Что это значит?! Впереди нет ничего? Пустая дорога? Можно идти, куда хочешь? Знать бы только, куда...»

– Боишься одиночества? – услышала вдруг Арэлл в пустоте невидимого пути, по которому брела мысленно. Она мгновенно открыла глаза, оглядываясь, хотя не была уверена, что незнакомый голос не прозвучал только в ее голове.

Гай стоял на прежнем месте, у двери. Его взгляд был пустым, ничего не видящим и ничего не выражающим. Иногда телохранитель действительно как будто «каменел», но элланка научилась этому не удивляться.

– Значит, ты боишься одиночества?

Голос шел снизу, казалось, поднимался от пола. Девушка опустила взгляд и увидела, что одна из странных масок орнамента смотрит на нее живыми смеющимися глазами и подмигивает. Арэлл, едва сдержав испуганно-изумленный вскрик, с ногами забралась на стул и подобрала подол хитона.

– Я тебя не звала! Чего тебе надо?!

Лицо забавно выпучило глаза.

– Вот как?! Ты не хочешь для начала спросить, кто я?

– Я знаю, кто ты! – Арэлл уже немного успокоилась, но все еще не решалась опустить ноги на пол. – Один из Древних. Трисмес. Бог плутовства, расчета, выгоды, обмана. Покровитель воров, шулеров и торговцев.

Маска растянулась в довольной ухмылке.

– А ты остра на язык, маленькая элланка. Раньше никто не смел говорить обо мне подобным тоном.

– Раньше о тебе помнили. Теперь забыли. Ты стал одним из мифов древнего мира. – Арэлл медленно слезла со стула, отодвинула его, чтобы лучше видеть бога.

– Забыли не все. Ты ведь слышала обо мне...

Рисунок на полу исказился, его контур поплыл, а потом снова застыл неподвижно. Зато по всем остальным изображениям пошла рябь, их линии стали путаться, переплетаясь друг с другом, как будто кто-то живой и невидимый настойчиво проталкивался сквозь их переплетение, пытаясь выбраться. Он добрался до угла стены, помедлил секунду, а потом вдруг среди вакхических танцоров возникла еще одна мужская фигура. Смуглая, полуобнаженная, в синей набедренный повязке. Уже не стройный юноша, но еще и не зрелый муж. Лицо гладкое, пострижен по рэймской моде. В левой руке – чаша с вином, правой обнимает за плечи нарисованную девушку.

– Ты слышала обо мне. И амулетик мой, вижу, носишь.

Бог указал взглядом на запястье Арэлл, где под широким золотым браслетом был скрыт маленький медный диск с изображением змеи.

– Это подарок кормилицы. Она верила, что в трудную минуту он поможет мне.

Трисмес пожал плечами, видимо искренне удивляясь человеческой наивности.

– Помощи от него никакой. Просто людям надо во что-то верить. Кроме этих...! – он поморщился, изображая полное отвращение.

– Демонов? – машинально спросила элланка.

Древний стремительно вытянул вперед руку с чашей, как будто хотел выплеснуть вино ей в лицо.

– Никогда не упоминай при мне об этих тварях! Их можно вызвать одним неосторожным словом.

– Извини, я...

– Лурия Арэлл.

Гай очнулся. Услышал, или почувствовал. Трисмес изобразил на лице выражение «я-же-тебе-говорил», шепнул: «Убери его отсюда!», и застыл среди танцоров.

Нахмурившись, девушка повернулась к телохранителю. Тот подозрительно поглядывал по сторонам, крепко сжимая копье.

– Вы с кем-то разговаривали?

– Гай, я хочу побыть одна. Оставь меня ненадолго. И, прошу, не повторяй, что должен постоянно быть рядом! Сейчас я хочу быть одна!

Преторианец молча наклонил голову, развернулся, стукнув «пяткой» копья об пол, и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Оскорбился, что ему не дают выполнять свой долг.

– Они повсюду. – Теперь голос звучал с потолка. Девушка подняла глаза. Трисмес возлежал среди цветов в обнимку со спящей нимфой.

– Это человек! Мой телохранитель!

– Думаешь, он не одержим? Как и вы все? Как и ты? Невозможно жить в мире, пропитанном темной силой, и не быть отравленным ею. Не так ли, малютка? – Бог погладил своей живой рукой нарисованные кудри нимфы.

– Я не одержима!

– Неужели?

Арэлл хотела возмутиться, но промолчала, прислушиваясь к себе. Наверняка и в ее душе может скрываться темный уголок, где притаился кусочек злобы и ненависти, о котором она сама пока не знает.

– Пока меня помнят, я существую. – Улыбка исчезла с лица Древнего. Он смотрел строго, сурово. – Пусть так, скрываясь. Но я существую. Падшие твари думают, что выиграли последнюю битву за людей. Но они ошибаются. В твоём деле тебе нужна помощь, элланка. Приходи в Северный квартал. В дом Нума. Там продолжим нашу приятную беседу.

Смуглое тело стало таять среди переплетений орнамента.

– Стой! Подожди! Постой же!

Но он исчез, не пожелав объяснить, в каком деле собирается помочь Арэлл, кто такой Нум, и как, по его мнению, она попадет в чужое жилище. Девушка снова села на стул, с опаской поглядывая на пол – не появится ли среди масок иронично-строгое лицо. Нет, не появилось. Трисмес ушел.

Элланка знала, что боги были давно. До появления демонов. Повелевали людьми, принимали жертвы, наслаждались властью и силой. А потом пришли могучие темные создания, которые изгнали их из человеческого мира. Многие из Древних погибли, кое-кто ушел, но, наверное, некоторые все же остались... Надеются на что-то, пытаются выжить, собирают крохи энергии, остающиеся после демонов.

В Эллиде кое-где еще помнили Флору. Богиню плодородия. Произносили ее имя, не надеясь на помощь, по древней привычке. В Рэйме поминали Фортуну. Но никто не знал, слышит ли она призывы. И вот теперь Трисмес.

Вчера ей предвещал скорую мучительную смерть демон, сегодня обещал помощь древний бог. Пожалуй, стоит подумать о том, как попасть в дом Нума.

– Лурия Арэлл, – голос Гая прозвучал неожиданно, заставив вздрогнуть. – За вами пришли. От лурии Лоллы. Она просит вас следовать в ее покои.

– Да. Иду.

Телохранитель был по-прежнему мрачен и сохранял официальную четкость движений. Все еще сердится. Какая глупость! Ей шагу не дают ступить без опеки!

– Я пойду одна. Оставайся здесь.

Гордо вскинула голову и вышла, не глядя на него.

Длинная галерея вывела к маленькому саду. Здесь было много душистых тропических цветов, птиц и статуй. Потом – просторный зал с зеркальным полом и, наконец, покои будущей

золовки. Здесь все было завешано уютными занавесочками, завалено подушечками, заставлено стульчиками и столиками. На полу лежали ковры. Пахло какой-то приторной дрянью, несколько рабынь с хихиканьем шныряли из угла в угол, ловили котят. Любимых живых игрушек своей госпожи, которых в комнате было не меньше чем подушек и столиков. Они путались под ногами, дрались, шипели, лазали по занавесям.

Сама Лолла валялась на роскошном ложе и тихонько хныкала. Увидев Арэлл, запричитала громче.

Уже два дня лурия Лолла рыдала, как ребенок, потерявший любимую игрушку.

– Я так и знала! Я знала, ее утащили демоны! Где я теперь найду такую рабыню?! Она одна умела красиво заложить складки на хитоне. Она была моя! Моя!! Они не имели права ее трогать.

Арэлл не выдержала и, быстро пройдя комнату, больно схватила сестру Клавдия за пухлое предплечье.

– Это ты виновата! Ты велела ей остаться на улице!

Лолла всхлипнула еще раз, ладонью размазала краску по лицу.

– Они не должны были ее забирать, – прохныкала она. – А ты... ты злая, жестокая... разве не видишь, как я страдаю.

Потом повалилась на ложе и зарыдала еще громче. Совершенно искренне. Арэлл только пожалала плечами, поняв, что та не притворяется.

Дочь императора была безутешна, и выносить ее стенания становилось все труднее. Слезы лились почти непрерывным потоком. Оставалось только удивляться, почему раньше она нисколько не дорожила столь любимой невольницей.

Тихо ступая по полу мягкими калцеями в покои сестры вошел Клавдий. После безумной встречи с демоном он вел себя на удивление пристойно, деликатно, любезно. Разговаривал мурлыкающим голосом, и в его взгляде иногда даже мелькало нечто нежно– одухотворенное. Рабыни, увидев лудия, мгновенно похватили пойманных котят и, подталкивая друг друга, выбежали из покоев госпожи. Боялись вызвать гнев своим присутствием.

– Что случилось? Откуда этот шум?

– Оттуда, – Арэлл указала на ложе. – Лолла оплакивает судьбу своей рабыни.

– Дорогая, – одной рукой аккуратно подобрал подол пурпурной тоги, чтобы не смять складки, Клавдий опустился рядом с сестрой, обняв ее. – Не надо плакать. Я найду тебе другую рабыню. Не хуже этой.

– Я не хочу другую, – прорыдала та, гремя своими бесчисленными жемчугами. – Мне нужна эта!

– Хорошо. – Тут же согласился брат – Найдем эту. Объявим вознаграждение в десять, нет двадцать тысяч сестерциев тому, кто ее приведет.

– А ее приведут?

– Конечно, глупышка.

– Но вдруг ее утащили демоны? – прекрасные миндалевидные глаза девушки снова заволокло слезами.

– Скорее всего, она сама сбежала.

– Ты думаешь?

– Я уверен.

Катая в пальцах жемчужину, оброненную Лоллой, Арэлл смотрела на эту великолепную родственную пару и не знала удивляться ей или сердиться. Лицемерный, лживый, бессердечный Клавдий действительно любил свою легкомысленную, хитренькую, ленивую сестрицу. Дарил ей золотые безделушки, утешал и выполнял самые бессмысленные капризы. Нежные родственные чувства большая редкость среди императорских детей. Странное притяжение. Так же как пластинка желтого электрона, натертая шерстью, притягивает мелкий сор.

«Если бы он так же... нет, хотя бы вполовину, пытался понять мои чувства, мои желания...»

– Клавдий, прикажи, чтобы ее нашли.

– Конечно, дорогая Лоллия. Немедленно.

Он поцеловал сестру в покрасневший лоб, вытер слезы с ее щек, нежно пожал пухленькую ручку. Поднялся, незаметно пнул котенка, попавшегося под ноги, и кивнул Арэлл, приглашая следовать за собой. Когда она вышла из покоев Лоллы, жених стоял напротив барельефа, заложив руки за спину, и внимательно рассматривал морскую сцену сражения двух армий. Еще один памятник смерти. Два корабля, сцепившиеся абордажными крючьями, солдаты в слепой ярости пронзающие друг друга мечами, изрубленные тела, падающие за борт.

– Скорее всего, рабыню мы не вернем, – не глядя на элланку, произнес Клавдий. – Бедняжка.

Естественно, последнее высказывание относилось не к пропавшей девушке. Наследник искренне жалел сестру.

– Надо бы ее развлечь. Придумать что-нибудь легкое. Необременительное.

– Необременительное для кого? – ехидно поинтересовалась Арэлл.

Едкое замечание осталось без внимания. Судя по нахмуренному лбу лудия все его мысли были заняты предстоящим развлечением.

– Что ты скажешь о морском празднике? «Гиеронт» завтра выходит из верфи. Думаю, Лолле понравится, если это событие будет посвящено ей.

Элланка промолчала, прекрасно понимая, что ее мнение не имеет особой ценности.

– Представь – ночь, две дорожки огней, идущих к пристани, тишина. – Все больше воодушевляясь, Клавдий стал говорить громче, в движениях его появилась резкость и они лишились обычной округлой плавности. – Лолла идет по деревянному настилу и едва только вступает на борт, как вдруг вспыхивает свет. Весь корабль начинает светиться. Играет музыка. Воины начинают быть мечами о щиты. Великолепно, не правда ли?

«Гиеронт» был самым большим кораблем в рэймском флоте. Его строили целых три года по специальному заказу императора триста мастеров. Тридцать кают с потолками из кипарисового дерева, выложенные мозаикой. Несколько терм, сады, восемь башен на палубе. В носовой части – бассейн емкостью в двести двадцать пять ведер. И двадцать ярусов скамей для гребцов. Арэлл попыталась посчитать, сколько человек нужно для того, чтобы привести эту махину в движение. Получалось...

– Дорогая, ты меня слышишь?

Оказывается, Клавдий уже минуту смотрит на нее, ожидая ответа.

– Да. Просто великолепно.

– Я тоже считаю, что это решение всех наших проблем.

– Неужели?! Всех проблем? А что с девушкой? Ты не будешь искать ее?

Жених помрачнел, как будто вспоминая о какой-то неприятной, но неизбежной обязанности.

– Ах, да. Хорошо, что ты напомнила. Надо уже покончить с этим. А ты будь добра, иди к себе и готовься к празднику.

– Как, позволь узнать?

Клавдий злорадно усмехнулся и бросил через плечо, удаляясь.

– Примерь другое выражение лица. Более любезное.

Машинально элланка взглянула на себя в отполированную до зеркального блеска настенную плиту – брови сурово сведены, у плотно сжатых губ строгие складки, глаза мрачные.

– Я и не хочу быть любезной. – Произнесла она вслух. Но улыбнуться все же постаралась. Получилось еще хуже. Лицемернее.

– Надоело, – решила Арэлл и пошла к себе.

Гай, встретил ее пристальным взглядом. Но, естественно, ничего не сказал.

– Завтра мы идем на праздник, посвященный лурии Лолле. – В голосе Арэлл прозвучала досада, но она не потрудилась ее скрыть. – Последнее время я занимаюсь исключительно тем, что присутствую на празднествах!

Последний пир, который давал сенатор Витрувий Анней в честь наследника и его невесты был просто чудовищным. Арэлл с содроганием вспоминала ящериц, облитых медом, павлиньи яйца, жареных улиток, огромного кабана, начиненного жареными дроздами, но особенно омерзителен был заяц, украшенный крыльями, изображающий Пегаса. Все это лежало на литых золотых и серебряных блюдах. И, пожалуй, поднять одно такое блюдо человек не смог бы в одиночку.

Смотреть на обжираться знать было противно и элланка с трудом сдерживалась, чтобы не запустить чем-нибудь потяжелее в физиономию консула ¹⁸ Аврелиана, сидящего напротив. Он ел так, словно совершал общественно важное дело – нечто вроде заседания в сенате. Отдавался процессу насыщения со страстью, потел от усердия, сопел, чавкал и к тому же считал своим долгом развлекать соседку занимательной беседой. После этого обеда у нее на неделю пропал аппетит, а стоило закрыть глаза, как сразу же перед мысленным взором возникали жующие морды с лоснящимися щеками и масляными губами.

И вот теперь предстояло пережить еще один праздник. Боги, дайте сил перенести его и не сделать какую-нибудь глупость.

На следующий день, едва только стемнело, Арэлл, одетая в новый хитон с золотым шитьем по краю и полупрозрачную паллу, полулежала в носилках рядом с Лоллой. Будущая золовка, почти не видимая в душном полумраке, ерзала от нетерпения на подушках, цепляясь своими жемчугами за одежду элланки и болтала без умолку. О том как она счастлива, какой у нее замечательный брат, и как приятно прокатиться ночью на корабле. Слушая легкомысленное трещание, Арэлл впала в легкое равнодушное оцепенение и с трудом подавляла нервную зевоту.

Носилки чуть покачивались, полосы света просачивались сквозь неплотно задернутые занавески, слышалось сдержанное гудение толпы, и крики солдат, требующих освободить дорогу.

Как всегда, в самый неподходящий момент потянуло в сон, но приходилось тащиться на глупый праздник. Изображать там веселье и удовольствие. «Зачем я притворяюсь?! Зачем вообще согласилась ехать?! Машинально. По привычке. Чтобы не быть одной. Чтобы не думать и не выискивать в привычных вещах признаки смерти».

И если бы действительно получалось забыться, почувствовать себя счастливой от ощущения причастности к великолепной публике, наслаждаться вкусной едой и необременительным флиртом. Так ведь нет, обязательно в самый неподходящий момент, – например во время умной беседы с цензором Тремулом Марцием, – вспомнится, что он содержит публичный дом, который часто используется для демонических оргий. И отвратителен станет этот любезный образованный человек, захочется немедленно сказать ему гадость.

Или консул Септимий. Прекрасный семьянин, нежный отец семерых детей, собиратель древностей – по приказу которого был убит второй претендент на его должность. Отравлен каким-то тонким ядом, не оставляющим следов. Все об этом знали, судачили между собой и потихоньку восхищались ловкостью, с которой все было проделано.

Или, к примеру, сенатор Порций Ферст, недавно вернувшийся из южной провинции империи. Он считал себя экспертом изготовления и окраски шелковых тканей. В изобретенный им состав кроме восьмидесяти ингредиентов входила человеческая кровь. Именно поэтому, как он считал, его ткани приобретали такой несравненный, пурпурно-сияющий цвет.

¹⁸ Консул – почетный военный титул.

...Милые человеческие слабости. Ничего особенного. Рядом с выдумками демонов, краска на основе человеческой крови казалась пустяком. Но скоро Арэлл поняла, что боится разговаривать с сиятельными магистратами, чтобы не узнать очередную страшную мерзость о каждом из них. Эдил ¹⁹ Серторий Квинт, сенатор Полибий Катиллин...

Квестор ²⁰ Антонин Пий был единственным в этой толпе, с кем Арэлл до некоторого времени, могла общаться без внутренней брезливой дрожи. Толстый, одышливый человек с грустными глазами, обремененный большой семьей и кучей нахлебников. Его должность не приносила большого дохода, а взятки, как он сам признавался, он брать не умел. Считал ниже своего достоинства.

На последнем торжестве он долго разговаривал с элланкой.

– Прекрасный праздник, – отдуваясь и вытирая вспотевший лоб, едва только увидел невесту наследника, заявил он. – И еще больше его украшает ваше присутствие, дорогая.

– Не будем обо мне, – поспешила остановить его девушка, уже зная, что комплименты могут затянуться надолго. – Расскажите, как вы.

– Вы понимаете, милая, – начал он сразу доверительно, поддерживая Арэлл за локоть. – Признаться, иногда начинаю чувствовать себя неполноценным. Не далее как вчера разбирали дело лурия Клавдия. Нет, естественного, не того, не вашего, то есть я хочу сказать, не сиятельного лудия-наследника. Так вот, убийство раба. Причем раб, дубина, сам напал на достойного лурия при свидетелях. И был, естественно, убит. Разорван на куски мастифом своего хозяина. Извините, дорогая, за кровавые подробности. Конечно же, необходимо судебное разбирательство. По закону, всех рабов, содержащихся в доме, надлежит подвергнуть пыткам и казни. Вижу, я шокировал вас, но таковы законы. Так вот, интерес лурия Клавдия был в том, чтобы не потерять свою собственность, за которую он, надо сказать, заплатил немалые деньги, из-за одного безумца. Он приходит ко мне с довольно крупной суммой денег и просит уладить это дело миром. Повернуть все как-нибудь так, словно не было никакого нападения, и он сам убил раба. Хотел показать гостям охотничьи качества собаки. А я, вы представляете, не смог взять деньги. Не смог и все.

В его маленьких глазках кроме разочарования, элланка увидела еще и отблеск гордости. Он не столько сетовал на свою принципиальность и болезненную честность, сколько гордился ею.

– Что стало с теми людьми?

– С какими, дорогая?

– С рабами!

– А, их казнили.

– Всех?!

– Ну, да. Закон в этом смысле очень строг. Рабы должны знать, что если кто-то из них посмеет поднять руку на своего господина, наказаны будут все.

Арэлл захотелось взвыть. А еще лучше схватить лицемерного Пия за шкуру и швырнуть с балкона вниз. Они стояли, любясь утренним Рэймом, залитым солнцем, но тогда Арэлл показалось, что небо потемнело. Это от ярости. Которую совершенно невозможно контролировать. В доме богатого патриция живет не менее ста рабов, и все они были убиты ради чванливой прихоти квестора Антонина.

– Лурия Арэлл, вам плохо?! – всполошился толстяк, заметив, как изменилось выражение ее лица. – Это от солнца. Позвольте проводить вас.

Клавдий, беседующий с префектом преторианцев – звероподобным Марием Антонием – увидел, что с невестой творится нечто странное. То есть странное с точки зрения нормальных

¹⁹ Эдил – должностное лицо ведавшее общественными играми и строительством бань.

²⁰ Квестор – главное лицо, ведущее судебные дела.

людей. Сам то он давно привык к выходкам элланской девицы. Теперь, по всем признакам, ее трясло от бешенства.

Она успокоилась тогда только спустя некоторое время. Уговорила себя, сидя в одиночестве в комнате со спящими нимфами и грустным мальчиком. Но в обществе Антонина с тех пор у нее начинала болеть голова от раздражения.

«Я не хочу ничего знать о них! Мне проще ничего не знать. Тогда я по-прежнему смогу считать их людьми...»

– Арэлл! Дорогая, ты спишь?! – горячая, влажная ручка Лоллы, прикоснулась к ее запястью.

– Нет, – девушка открыла глаза, перед которыми все еще стояла пурпурная пелена шелковой ткани Ферста.

– Приехали! Ах, как же я волнуюсь!!

Носилки больше не двигались, занавески раздвинули, и два крепких раба со всей подobaющей почтительностью помогли выйти сначала дочери императора, затем его будущей невестке. Элланке было все равно, какое место она занимает в иерархии семьи правителя, но Лолла закатывала истерику, если чувствовала, что ей не оказали достаточного уважения. Пока она была «главнее» Арэлл и собиралась получить из своего положения все возможные преимущества.

Первым, что они увидели, был «Гиеронт». Корабль уже спустили на воду. Он казался огромным морским зверем, случайно заплывшим в реку и теперь оказавшимся не в силах выбраться обратно на простор. Казалось, он так и застрянет между двух берегов.

Палубу освещали огни. Множество огней... Прохладный ветер трепал разноцветные флаги, обрывал цветы, тяжелыми гирляндами обвивающие мачты, все восемь башен, якоря, и даже весла гребцов.

Возле гавани располагались верфи, лавки, какие-то скособооченные домишки непонятного назначения, но теперь они растворялись в темноте. Сияние «Гиеронта» затмевало их. Дорога к сходимым тоже оказалась усыпанной цветами, и по обе стороны от прохода стояли преторианцы в парадных доспехах. Арэлл шла следом за Лоллой и двумя ее телохранителями, чувствуя как похрустывают под ногами тонкие стебельки. Любопытная толпа шумела где-то справа, отесненная солдатами от места, где должно происходить основное празднество.

Эдил Серторий Квинт, ведавший общественными играми и вообще всеми увеселениями Рэйма, встретил их у трапа. Высокий молодой человек с вытянутым, холеным лицом, с которого не сходило выражение легкого утомления и скуки. Как он мог увеселить хоть кого-нибудь с такой гримасой, Арэлл было решительно непонятно. Казалось, ему самому необходима труппа постоянно действующих актеров, чтобы он не скончался от тоски. Но Лолла млела в его присутствии, находя в лурии Сертории массу достоинств.

– Осторожнее, – едва слышно шепнул верный Гай, поддерживая Арэлл за локоть.

Наверное, хотел уберечь от падения на наклонных досках сходен, а может быть снова с ее лицом оказалось что-то не так. Элланка попыталась изобразить радостное оживление, которого не испытывала, и следом за золовкой ступила на борт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.